

РОВЕСНИК

1
1980

«Ровесник», 1980 г. ©

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1968 ГОДА

Январь, 1980 год, № 1

ЭТОТ НОМЕР ЖУРНАЛА НОВОГОДНИЙ. А ГОД НАСТУПИЛ ОЛИМПИЙСКИЙ. ЗНАЧИТ, ПЕРВОЕ СЛОВО — ОЛИМПИЙЦАМ. ПУСТЬ ОНИ РАССКАЖУТ, ЧТО ЖЕ ТАКОЕ СПОРТ

На первой странице обложки: плакат нарисован в «Артеке» рукой пионера. Конкурс, на котором плакат был представлен, назывался как обычно: «Пусть всегда будет солнце!» Пионер нарисовал символическую сценку из спортивной жизни. И мы видим, как ребенок понимает спорт: как символ молодости, мира, красоты и добра...

4. СМОТРИТЕ: МИГ ПОБЕДЫ
6. **Александр Иваницкий.** В ЛУЧАХ ОЛИМПИЙСКОГО СОЛНЦА
9. **Михаил Блатин.** БЕГ ПРОДОЛЖАЕТСЯ
12. **Николай Дарьин.** КАК СТАТЬ ЛЕГЕНДОЙ
15. **Александр Шумский.** ГИМНАСТИКА, ДОСТОЙНАЯ ГИМНОВ
18. **Николай Долгополов.** СЕКРЕТЫ КЛАУСА
20. **Владимир Голубев.** ЗАПОВЕДИ ДЛЯ ЧЕМПИОНА
23. **Игорь Фейн.** Я ОЛИМПИЙСКИЙ ЧЕЛОВЕК
26. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
28. **Джон Парелес.** САМАЯ ИЗВЕСТНАЯ ИЗ НЕИЗВЕСТНЫХ ГРУПП
29. **Н. Тумансина.** ВТОРОЙ ВАРИАНТ
30. **Н. Ванеева.** «ЛИФТ» ИДЕТ ВВЕРХ
31. **И. Порудоминская.** БИ-БИ-СИ И НЕУДОБНЫЙ ЛИНТОН КУЭСИ ДЖОНСОН

Адрес редакции: Москва, 125015, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал

Сдано в набор 13.11.79. Подп. к печ. 26.12.79. А03665. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Условн. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 1 150 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 1990.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ДЕЛИ. Здесь состоялся Всеиндийский съезд молодежи и студентов. Впервые для обсуждения общих проблем собрались представители всех молодежных и студенческих организаций страны независимо от политической ориентации и мировоззрения. На съезде также присутствовали руководители всех политических партий Индии. В заключительном документе наряду с другими были выдвинуты требования о бесплатном обязательном среднем образовании и о реализации права на работу как одного из основных конституционных прав.

ПХЕНЬЯН. В Корейской Народно-Демократической Республике в нынешнем учебном году школьные классы и вузовские аудитории заполнили восемь с половиной миллионов учащихся, это более половины населения страны. В КНДР введено обязательное бесплатное одиннадцатилетнее (год дошкольной подготовки и десять лет в школе) обучение.

КОЛОМБО. Правительство Шри Ланки приняло решение о создании первого в стране центра технического обучения молодежи. На его организацию выделено 8 миллионов рупий. Здесь юноши и девушки республики смогут получить профессию, а затем будут направлены на работу на предприятия, расположенные в столице.

АНТАНАНАРИВУ. В столице Малагасийской Республики состоялся конкурс любителей сказок. Его участники, дети дошкольного возраста, продемонстрировали отличное знание лучших произведений народного творчества.

УЛАН-БАТОР. Отличительная черта ландшафта сегодняшней Монголии — это мачты высоковольтных передач, которые тянутся от столицы к самым отдаленным аймакам, это новостройки Улан-Батора, Дархана, Эрдэнэта, Бата-Нура. Молодежь осваивает новые специальности, работает в таких отраслях промышленности, даже названия которых были незнакомы поколению ее отцов. Но не забывают в республике и старые традиционные народные промыслы и ремесла. Специальное художественное училище в столице готовит мастеров-ковровщиц высокой квалификации. Ковры — традиционное украшение дома в Монголии.

На снимке: выпускницы художественного училища на ковровой фабрике Улан-Батора.

МОНТЕВИДЕО. По сообщениям уругвайской печати, учителям школ и преподавателям вузов категорически запрещено делать какие-либо публичные заявления, касающиеся состояния образования в стране. Реакционный режим пытается таким образом скрыть плачевные результаты своей политики в этой области. И все-таки правда просачивается на страницы газет. Так, например, стало известно о резком сокращении числа учащихся в средних школах Уругвая, о том, что 60 процентов детей школьного возраста не могут получить даже начального образования.

КАРЛОВЫ ВАРЫ. По инициативе ВФДМ в этом чехословацком городе прошел международный семинар «Спорт как право молодежи». Представители 33 международных, национальных и региональных организаций обсудили участие молодежи в международных спортивных мероприятиях. Этот семинар приобретает особое значение в связи с предстоящими Олимпийскими играми в Москве.

ХЕЛЬСИНКИ. Как сообщает печать Финляндии, в городе Лахти завершились дни рабочей молодежи. Около 500 представителей молодежных организаций страны обсудили вопросы борьбы за мир и разоружение, проблемы трудоустройства и права на образование.

ГАВАНА. На Кубу прибыла очередная группа молодых ангольцев, которые будут учиться в вузах и производственных училищах. В соответствии с соглашением между двумя странами на Кубе получат образование и специальность около 2 тысяч ангольских юношей и девушек.

БОНН. В Бонне, Дортмунде и других городах ФРГ прошли демонстрации молодежи под лозунгом «Нет войне, нет фашизму!». Молодое поколение протестует против активизации неонацистских сил. Как свидетельствует печать, в ФРГ угрожающе растет количество неонацистских групп, получают распространение публикации неофашистского толка, недавно была в очередной раз предпринята попытка протащить в бундестаге закон о «прощении» нацистских преступников.

На снимке: молодежная демонстрация против активизации неофашистских сил в ФРГ.

ОДЕССА. Здесь прошла V традиционная встреча молодежи СССР и ФРГ. В ней приняли участие представители таких молодежных организаций ФРГ, как «Немецкие молодые демократы», Социалистическая немецкая рабочая молодежь, Союз молодых антифашистов, Союз католической молодежи, Круг немецких скаутов. Во время встречи работали три основные комиссии: солидарности с борьбой народов Латинской Америки, Юга Африки и Юго-Восточной Азии — и был проведен семинар на тему «Солидарность в борьбе против войны и фашизма». В итоговом документе было высказано требование принять конкретные шаги по разрядке и разоружению, провозглашена солидарность с борцами против насилия, диктаторских режимов и фашизма. Участники встречи побывали на советских предприятиях, были гостями в семьях жителей Одессы. Следующую встречу намечено провести в будущем году в Бремене.

ЛОНДОН. В рамках Международного года ребенка в Великобритании прошла национальная Неделя детской книги. В ее организации приняли участие библиотеки, школы, книготорговые фирмы. В программу недели вошли беседы с юными читателями о любимых книгах, конкурсы на лучший рисунок и лучшее сочинение, викторины, книжные выставки, показ фильмов. Многие детские писатели Англии ездили по городам страны, встречались со своими читателями. Мероприятия недели проходили в библиотеках, школьных классах и даже в комнатах ожидания железнодорожных вокзалов.

БИСАУ. В столице состоялся первый в истории республики выпуск квалифицированных слесарей и каменщиков. Молодые рабочие пришли на стройки и предприятия после трех лет учебы. Их преподавателями были члены бригады имени VIII съезда Социалистической единой партии Германии. Бригада создана Союзом свободной немецкой молодежи. Ребята из ГДР, которых местные жители называют «послами в голубых рубашках», уже более 5 лет трудятся в Гвинее-Бисау, помогая молодой республике в строительстве народного хозяйства и подготовке национальных кадров.

На снимке: гвинейские студенты и их друзья из бригады имени VIII партсъезда СЕПГ в Центре профессиональной подготовки в Бисау.

смотрите: МИГ ПОБЕДЫ

Вы знаете этих людей? Вглядитесь повнимательнее в лица. Нет? Ну, конечно же, вы незнакомы. А между тем у каждого из них есть одно на всех имя: **ПОБЕДИТЕЛЬ.**

...Такие глаза бывают у моряков, которые наконец достигли берега, а завтра снова уйдут в океан (но этот миг у них уже не отнимет никто!). Такую улыбку вы можете увидеть у нефтяника, пробурившего скважину, на дне которой (есть же справедливость!) бьется нефть. У партизана, хлебороба и врача. У всех, кто делает свое дело по любви. А победа, как известно, есть дочь любви.

В ЛУЧАХ ОЛИМПИЙСКОГО СОЛНЦА

Александр ИВАНИЦКИЙ,
олимпийский чемпион,
заслуженный мастер спорта СССР

Когда осенней ночью 1964 года мне вручили этот долгожданный приз: золотой олимпийский кружок (он блестел на ладони, как солнышко), у меня не хватило сил рассмотреть его как следует... Я еле дошел до кровати и упал головой в подушку. Я плохо спал в ту ночь, словно в детстве, военной зимой, в Ленинграде, во время блокады... А утром, превозмогая в теле ломоту, добрался до бассейна и плюхнулся в воду. Плавать не смог совсем. Опускался на дно, как будто тонул, почти не шевелил руками и ногами. Лежал на кафельном дне, пока хватало воздуха. Потом всплывал,

пытался руки выбросить вперед, но они болтались, словно плети: гребка не получалось. И я снова и снова погружался на дно в забытье...

Так это было и запомнилось мне навсегда как счастливый миг судьбы — Олимпийские игры в Токио. Там я стал чемпионом по вольной борьбе. Это звание дается человеку на всю жизнь, как имя: олимпийский чемпион. Никогда я не думал, что буду его носить. Это правда.

Я в юности медалями не бредил. И в зал борьбы пришел, чтобы стать сильней. Как многие в войну, я голодал и вырос тонким и нескладным. В спортзале перед тренировкой смотрю на себя в зеркало и вижу пугало с кругами под глазами, с лохматой головой, в костюме, который стыдно назвать тренировочным. (Шерстяные выдавали только мастерам, а купить я не мог: с моими-то деньгами.)

Однажды, отбыв урок в спортзале в качестве мешка, который все бросают, разучивая приемы, я вышел из душа и остановился у стенда с фотографиями. Привлек меня снимок, под которым стояла подпись: «Джесси Оуэнс». И все. Я спросил, ни к кому не обращаясь: «Чего это его вывесили тут — на самом почетном месте?» В ответ раздался дружный хохот — борцы как раз выходили из раздевалки: «Ты что, парень, Оуэнса не знаешь?», «Правда, что ли, не слышал это имя?» Они ушли, презрительно пожав плечами и ничего не объяснив. Мне было стыдно за свою неграмотность: решил заниматься спортом и не знаю его героев... Но ведь я не собираюсь становиться чемпионом. Просто мне надо быть посильнее при моем росте. Только и всего.

И даже когда я был включен в состав сборной страны и поехал на свой первый в жизни чемпионат мира, даже тогда не думал о чемпионстве. Так, попасть бы в тройку призеров, раз повезли. Надо же как-то отрабатывать билет на самолет. Я все ждал, что в последнюю минуту придет кто-то таинственный и скажет про меня: «Смотрите! Этот тип затесался в борьбу по ошибке, случайно». И меня снимут с самолета.

И золотая медаль, завоеванная мной тогда в Америке, в Толидо, ей-богу же, казалась нереальной. Не моей.

Но время шло, я боролся, наград становилось все больше, и уже отец стал смотреть на меня с уважением, и я услышал однажды, как моим именем пугают молодых талантливых борцов. И я привык уже к этому миру. Утвердился. И только ветераны ставили все на свои места. Они говорили: «Твои награды — пустяки. Ты попади в олимпийскую сборную и выиграй в Токио, тогда поговорим».

Я вернулся из Японии, и мы поговорили... Я сказал им: «Вы были правы: для спортсмена нет ничего на свете дороже Олимпийских игр».

Конечно, борьба — это не футбол, не хоккей или фигурное катание: ее популярность поменьше. Но и той славой, что досталась мне в Токио, можно было бы упиваться до сегодняшнего дня. Сразу после победы нашей команде устроили поездку по Японии. Каждый день встречи, аплодисменты, автографы, фотографы. Усталость исчезала, и кружилась голова. Все просили показать и подержать в руках медаль. В Хиросиме, в госпитале, где лежали люди, пережившие атомный взрыв, или дети облученных родителей, мою медаль пустили по палатам. Больные трогали ее и улыбались, словно дети. Японцы очень любят спорт. В городе Осаке нам пришлось выступать в огромном зале перед водителями такси. И снова медаль пошла по рядам. В Киото, в аэропорту, в ожидании рейса ее рассматривали все, кто там был в тот момент...

И уже в самолете, похлопав себя по карманам пиджака и вывернув все остальные, я понял, что произошло, и свалился в кресло. Наш самолет бежал по полосе... «Ну и пусть. Ну и бог с ней. Потерял... Я ведь ее выиграл. И от этого факта никуда теперь не денешься». И еще я тогда подумал, почти успокоенный, что, не будь медали вовсе и победы тоже, все равно голова моя шла бы кругом. Хотя бы потому, что это я шагал по стадиону со всеми олимпийцами в строю. И у зеркала в спортзале тоже я стоял когда-то, долговязый и худой...

«К чему нужны эти воспоминания сегодня, в канун Московских олимпийских игр?» — может спросить любой человек, далекий от спорта.

А что я ему отвечу? Что для спортсмена приближение игр, как для моряка — свежий ветер с океана накануне навигации? Или звуки ипподрома для наездника, который брал когда-то Главный приз на Анилине?.. И еще я ему отвечу: воспоминания об играх не приходят по заказу спортивных редакций. Они наплывают как сны — произвольно. И никуда не спрячешься от них, когда засыплют светлой грустью, подобно желтым листьям в октябре.

...Они кружатся над дорогой, а под Москвой стоит октябрь. Нормальная осенняя погода. Возможно, последнее солнечное воскресенье перед дождями и метелями. С приятелем мы едем за грибами. И он как раз и есть тот самый человек, далекий от спорта: он музыкант. И не то чтобы спорт был ему совсем неинтересен (с друзьями он часто играет в футбол), просто этот мир ему незнаком. И он не понимает всех предстартовых волнений в нашем городе Москве. И я ему не в силах доказать необходимость всех прошедших игр и будущих. Потому что это надо видеть, чтобы понимать. И быть участником, чтобы любить. А все остальное — слова...

Человечество через всю свою историю пронесло и сохранило уважение к древнейшей своей идее — идее Олимпиад. Не может ошибаться человечество: не может быть ложной идея добра и любви.

Я не был в Элладе, на древней земле. Не видел Олимпию, где, говорят, на склонах холмов растут серебристые оливы, где солнцем выжжена трава, а каждый камешек — страница из истории. Не видел я также мраморного стадиона. Но хотел бы представить хотя бы на миг, каким он был тысячи лет назад, когда в его котле кипели первые олимпийские страсти. И судьи эллинов — хелланодики — с высоких мест провозглашали правила: «Если вы усиленно тренировались, как подобает, чтобы прибыть в Олимпию, если не совершили ничего плохого или неблагородного, вступайте в борьбу с отвагой в сердце. Вы же, кто так не упражнялись, идите себе, куда хотите!»

Они считали, что победа в соревнованиях есть благосклонность богов. Однако человек добывает эту благосклонность усиленным трудом, направленным на абсолютное использование врожденных качеств.

«Святой мир» хранил каждого, кто даже в военное время через вражеские земли шел на игрища. Закон этот соблюдался строго, и любое его нарушение надо было оплачивать тяжелыми штрафами. Даже Александр Македонский, который недолюбливал игры и привык не считаться ни с чем, вынужден был платить штраф и извиняться, когда его наемники побили афинянина, направлявшегося в Олимпию. Вот так.

...И есть на этой мудрой греческой земле, изрытой войнами, украшенной памятниками старины, один современный, не слишком приметный памятник: невысокая стела. Под ней хранится сердце Пьера де Кубертена. Не потому, что это сердце принадлежало французскому барону (мало ли баронов на свете!), а потому, что Кубертен возродил Олимпийские игры в нашу эпоху. И на земле, к удивлению многих, нашлись вдруг миллионы крепких рук, которые согласились нести олимпийское знамя. И несут!

Я часто думаю об этих знаменосцах. Они очень разные люди. И я понимаю: нельзя рассчитывать на то, что человек, однажды вступивший под своды спортивного храма, выйдет из него, осененный благодатной чистотой и обновленный. Совсем необязательно. Результат может быть любой, неожиданный. И однажды весь мир узнает, что чемпион Римской олимпиады Кассиус Клей, боксер-тяжеловес, откажется воевать во Вьетнаме и не наде-

нет на себя удобную в джунглях защитную форму морской пехоты США. И он же сменит имя на мусульманское: Мохаммед Али. И в новых белых одеяниях пойдет по свету — отстаивать свою позицию, уверенный в том, что он прав.

Но как в то же время прозрачна, подобно воде из бассейна, душа американского пловца Марка Спитца. Он увез в Америку из Мюнхена семь золотых медалей. Он был самый богатый славой молодой человек в США (в то лето, 72-го года). Но славой долго сыт не будешь. И Спитц не колебался. Он стал выжимать деньги из зубной пасты: он рекламировал свою улыбку супермена. Глупо было бы восторгаться таким олимпийцем.

Наверное, можно с симпатией наблюдать за попытками первого мной упомянутого олимпийца, Клея, — найти единственную истину, можно с огорчением следить за неолимпийской предприимчивостью второго — Спитца, но я хочу рассказать еще об одном человеке с Олимпа. О том, на кого я мечтал быть похожим когда-то. И сегодня тоже, как ни странно.

Его зовут Юрий Власов. Что он сделал замечательного в жизни? Прежде всего он разрушил привычные для обывателя представления о спортсмене. Он, человек большой внутренней культуры, отдал себя спорту, той сфере, в которой должны себя великолепно чувствовать, по мнению обывателей, только люди, полные мышц и лишенные остального. Непривычность высокого лба, подтянутой, неразжиревшей фигуры (и в этом, кстати, тоже сказывалась культура) — все это встречалось сначала настороженно... Но потом его провожали с помоста громом аплодисментов. От его усилий рушились рекорды, на глазах менялись представления о человеческих возможностях. Менялся и сам Власов. И, уже выходя на помост в нелегкой роли «самого сильного человека на Земле», он понимал, что для него, штангиста, и для других людей, которые играют в хоккей, баскетбол, теннис, занимаются борьбой, большой спорт должен стать лишь большим испытательным полигоном. Спорт, помимо прочего, обладает еще одним свойством: он заставляет поверить в себя, в свои духовные силы.

И потому, отдав дань спортивным состязаниям, ты имеешь полное право повесить на стену лавровый венок и бесстрашно, как в юности, на стадионе, поверив в свои возможности, отправиться в другую дальнюю дорогу, самостоятельно выбрав маршрут. Вести она может в разные области знаний: в медицину, инженерию, космонавтику, педагогику или слесарное дело. Но в любом деле ты не должен забывать свое имя: олимпиец.

Юрий Власов начал писать книги. Путь в литературу, которым пошел чемпион, оказался сложнее, чем он предполагал вначале. У Власова были срывы и удачи местного значения. В одном из первых своих рассказов, основанном на впечатлениях от поездки на Кубу, он назвал Хемингуэя «папой». Наверное, так делать не следовало. На это имели право лишь самые близкие друзья писателя. Но, с другой стороны, жест Власова был понятен. Еще не остывший от помоста, еще «самый сильный человек на планете», он был со всеми на равных, со всеми на «ты».

В общем, эта штанга, которую решил взвалить на себя добровольно Юрий Власов, была непомерно тяжелой. Временами казалось, что она могла его раздавить...

Но годы шли, а он не отступался. И вот я держу в руках книгу: «Особый район Китая, 1941—1945 гг.». На титульном листе имя автора: П. Владимиров. Это отец Власова. В основе книги дневники отца — представителя Коминтерна, корреспондента ТАСС, очевидца китайских событий тех лет. Но книгу написал его сын Юрий, олимпийский чемпион. Значит, нашел он силы поднять этот груз и создать интересную книгу.

И может быть, работая над ней и зверски уставая, он вспоминал о той душной ночи в Риме, когда олимпийский зал до двух часов ждал его последнего выхода. И тяжелый металл, побежденный, со звоном упал на помост. И табло загорелось: вес взят!.. Итальянцы и гости столицы, восторженные, ошеломленные, устроили ему овацию и потом на руках понесли в раздевалку, чтобы их триумфатор не касался ногами этой грешной земли.

Где сейчас, в какой точке своего пути этот человек, чемпион Олимпийских игр? Преодолевает ли подъем или готовится к нему, позволив себе короткую передышку? Станет ли он в литературе примером для молодых, начинающих, как был когда-то примером в спорте?

...Я написал «когда-то» — и ужаснулся: как оно, время, летит!

Олимпийцы не стареют лишь на фотографиях и в песнях композитора Пахмутовой. Одно меня радует: познав вкус спорта, утвердив себя в нем, они сознают, что делали рекорды, в конце концов, не для себя. Так что я хочу сказать? Они понимают, что уникальные достижения нужны людям. Пройдет время, и другие мальчишки и девчонки возьмут их систему подготовки, их опыт. Возможно, что их тренажеры пригодятся в космическом корабле. А попытка достичь горизонта, хотя бы в спорте, заставит ученых изменить мнение о человеческом организме и его способностях, да и взгляд на продолжительность жизни...

Сегодня сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института физкультуры И. Чарковский учит плавать новорожденных младенцев, а они еще не только не умеют ходить, но и голову прямо держать. И это почти кощунственное начинание, целиком еще не принятое и одобренное не везде, оказывается, способно дать земле нового человека: уверенного, координированного, веселого... А другой кандидат физических наук, Э. Яшин, занят не менее благородной проблемой: проблемой старения организма. Человека стареющего, словно замерзающего в степи путника, он берет за плечи, трясет, будоражит, кричит: «Проснись! Нельзя сдаваться. Необходимо двигаться. Двигаться больше, чем в тридцать и сорок лет. И тогда ты будешь жить вечно...»

Парадоксально предлагать нам бессмертие при помощи обычной физкультуры. Мы ведь привыкли искать эликсир вечности в других областях, более фундаментальных и важных, чем спорт. Но вот оказывается в конце XX века, что именно спорт — эти игры, полные страсти зрителей и участников, — таит в себе нечто неизмеримо важное, необходимое всем нам.

Его сегодняшние достижения называют в прессе «фантастическими». Ибо они — за пределами человеческих возможностей. Мы забываем, что современный спорт — существо, в общем-то, новорожденное. И как бы ни внушительно выглядели данные этого младенца — 445 килограммов в штанге, 235 сантиметров в прыжках в высоту, 8 метров 90 сантиметров — в длину, — все равно это только начало.

Продолжение будет на играх в Москве. И далее — везде и всегда.

...Если вы помните, в начале своего рассказа я говорил про человека, далекого от спорта. Про то, как с этим человеком мы едем за грибами по Минскому шоссе и не то, чтобы спорим... В общем, я ему доказывать ничего не стал. Он же не был рядом с Власовым той душной ночью в Риме и не видел, как в Мюнхене финишировал Борзов и с какими глазами входили в раздевалку наши баскетболисты после победного матча с американцами...

«Спорт учит честно выигрывать. Спорт учит с достоинством проигрывать. Итак, спорт учит всему — учит жизни», — написал Эрнест Хемингуэй.

Я не спросил тогда приятеля: читал он эти строки однажды или нет? Но в тот осенний день мы с ним договорились, что он все-таки будет смотреть по телевидению открытие XXII Олимпийских игр. А я со своими коллегами по спортивной редакции (я теперь работаю на Центральном телевидении) постараюсь сделать все, чтобы после наших трансляций он понял, что такое Олимпиада, ее люди, спорт.

БЕГ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Михаил БЛАТИН

Прежде чем стать знаменитым, он пробежал на тренировках вокруг света. А затем уже слава о нем облетела мир.

Фотографии великого бегуна обошли мировую печать. Репортеры особенно любили снимать его на финише. Вот он застыл на фото в стремительном порыве. Грудь еще не коснулась финишной ленточки, но мысли его уже там, за финишной чертой. Мысли всегда опережают бегуна. Правая рука вскинута вверх, приветствуя взбудораженный стадион. На изможденном лице сквозь маску непреклонной решимости и воли готова пробиться счастливая улыбка... Так финишировал Владимир Куц. Так он заканчивал свой бег весной 1959 года в армейском кроссе под Ленинградом, еще не зная, что этот финиш окажется для него последним.

Потом он был тренером. Хорошим тренером. Воспитал много сильных бегунов, они били рекорды своего учителя, но никому из них не суждено было затмить его славу.

Владимир Петрович Куц умер рано. Его могучий организм так и не сумел преодолеть последствия автомобильной катастрофы, в которую он однажды попал. Но бег Владимира Куца продолжается. Не только в учениках. В памяти народной. Смелый ритм куцевского бега угадывается в нынешнем бурном развитии легкоатлетического спорта, устремленного к новым рубежам.

«На меня неизгладимое впечатление произвело наблюдение за тренировкой и выступлениями Владимира Куца. Он воодушевил меня и пробудил страстное желание добиться таких побед. Разве я не способен на это? — задавал я себе вопрос. — До сих пор не забуду, как Куц буквально поднимал стотысячную толпу в Мельбурне». Эти слова принадлежат знаменитому австралийскому бегуну Герберту Эллиоту.

«Мы учились у Куца» — так говорили олимпийский чемпион Питер Спелл, экс-рекордсмен мира на стайерских дистанциях Рон Кларк и многие-многие другие...

Да, бег Владимира Куца продолжается. Знакомство с современной специальной литературой по легкой атлетике убеждает: Куц был подлинным новатором в спорте. Его методы тренировок были развиты и продолжены австралийскими и новозеландскими тренерами, также ставшими знаменитыми Серутти, Лидьярдом и другими. Его неуемная жажда сокрушать рекорды и по сей день пример для многих атлетов. И потому мы вправе считать Куца предтечей изумительных мировых и олимпийских достижений Брумеля, Бимона, Санеева...

Для советских олимпийцев он всегда будет еще и образцом мужества, стойкости, непреклонной воли к победе...

Я хорошо запомнил тот день — 6 июня 1953 года. На Центральном стадионе «Динамо» в Москве шли соревнования легкоатлетов РСФСР. Военный моряк Владимир Куц — тогда еще никому не известный бегун — впервые выступал в Москве.

Старт бега на 5000 метров наэлектризовал зрителей на трибунах, разнеженных теплым летним днем. Со старта вперед стремительно ушел спортсмен из Дзержинска Горьковской области Александр Ануфриев —

Я — ТЫ — СПОРТ

Это Пеле.

Когда двадцать лет назад мы играли в мушкетеров, я старался получить роль везучего гасконца. Но желающих было много.

Когда мы играли в футбол, я делал все, чтобы меня хоть разок назвали именем Пеле.

Одно нам было безразлично: кто вымышленный герой (киношный или книжный), а кто настоящий, живой, как Эдсон Арантес ду Нассименто — Пеле, например. Я на кривом асфальте 3-го проезда Марьиной рощи повторял его бразильские ▶

бронзовый призер Олимпиады в Хельсинки. Он взял потрясающий темп. Голос радиодиктора повел отсчет времени, соразмеряя его с графиком мирового рекорда шведа Гундара Хэгга, казавшегося в ту пору фантастическим, — 13 минут 58,2 секунды. Ануфриев шел лучше рекордного графика, оставив далеко за спиной вялую стайку других бегунов. На них никто и не смотрел. Взгляды присутствующих были прикованы к Ануфриеву, к его бегу, красивому, как полет стрелы.

И вдруг произошло нечто, вызвавшее веселое изумление на трибунах. Какой-то чудак очертя голову бросился вдогонку за бежавшим в невиданном темпе Ануфриевым. Он резво мчал по дорожке, выпятив широкую грудь... Наконец догнал лидера, достал заправленный за резинку трусов носовой платок, вытер со лба пот...

Круг, второй, третий держался белокурый здоровяк. А потом стал безнадежно отставать — выдохся. Другой бы сошел с дистанции. Но крепыш, упрямо мотая головой, продолжал бег. Он пришел к финишу вторым, проиграв ровно полминуты Ануфриеву, которому в итоге лишь 0,6 секунды не хватило до рекорда Хэгга.

Мог ли я предположить тогда, что присутствовал при рождении великого бегуна? Что уже через каких-нибудь два месяца — на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Бухаресте — дерзкий новичок прибежит к финишу почти грудь в грудь с самим Эмилем Затопеком — великим легкоатлетом тех лет? А осенью на том же стадионе «Динамо» станет чемпионом страны на обеих стайерских дистанциях?

Не в тот ли июньский день произошло рождение великого бегуна? Может, это случилось раньше? Когда, скажем, курсант школы снайперов, познавший к семнадцати годам и вражескую оккупацию, и фронтовую солдатскую жизнь, начал совершать ежедневные пробежки «до дальней березы» с одной лишь целью: чтоб не быть вечно в хвосте во время спортивных кроссов? (И простое солдатское желание «не отставать от строя» выросло в неутомимую, счастливую жажду победы. Но это потом.)

А может, олимпийский чемпион родился в нем, когда он, морской артиллерист, командир орудия, не обращая внимания на подтрунивания товарищей, прикрепил над койкой вырезанный из газеты портрет Затопека и самонадеянно заявил, что со временем непременно побьет все его рекорды?

И он бежал к своей цели, перепрыгивая через валуны, закаляя мускулы и волю изнурительными тренировками, которые изобретал для себя сам.

Когда бежал Владимир Куц, на стадионе не оставалось ни одного равнодушного человека. Его бег возбуждал, будоражил зрителей. Пожалуй, этот бег можно было назвать красивым. Не потому, что с точки зрения специалиста он был канонически правильным. «Возьмем кинограммы бега лучших наших средневиков и сравним с кинограммой бега Владимира Куца, — писал в своей книге «Записки легкоатлета», вышедшей в 1971 году, покойный ныне заслуженный тренер СССР Гавриил Витальевич Коробков. — Непосвященный человек решит, что они бегут более длинную, чем Куц, дистанцию. По активности работы рук, по высоте подъема бедра, по эффективности отталкивания они явно уступают нашему стайеру, хотя и являются представителями «почти спринтерского» бега».

Спортивная борьба на беговой дорожке напоминает нам порой знакомые жизненные ситуации. Мужество и благородство и здесь порой сталкиваются с низменным расчетом. И не было, пожалуй, спортсмена более благородного на дорожке, чем Владимир Куц. Он никогда не отсиживался за спинами других бегунов, чтобы на финише исподтишка «украсть» у лидера, в одиночку боровшегося со временем и ветром, победу и рекорд. Но именно такой тактики нередко придерживались его соперники на больших состязаниях.

13 октября 1954 года на стадионе «Уайт-Сити» британской столицы состоялся легкоатлетический матч Лондон — Москва. «Гвоздем вечера» стал бег на 5000 метров по освещенной мощными прожекторами

▼

финты: выходил один на один с защитником, перебрасывал мяч через голову и с лета, мимо вратаря — в девятку!.. Но трибуны не ревели: в детстве не было трибун. Там были палисадники с жасмином, и росла соседская сирень. И почти вся Москва, как известно, из таких уголков состояла. Как далеки от этих уголков — в пространстве и во времени — были тогда Олимпийские игры: Мельбурн, Токио, Рим... Настолько трудно было воображению представить эти города и стадионы, что они нам даже и не снились.

▶

беговой дорожке. Бежали Куц, англичанин Кристофер Чатауэй, получивший за тактическую хитрость прозвище Рыжий Лис, Окороков и Драйвер — вторые «номера» команд.

«Его тень» — так назвал Чатауэя Лью Годчер, корреспондент газеты «Дейли уоркер». Да, Чатауэй действительно превратился в тень Куца, неотступно следуя за ним по беговой дорожке «Уайт-Сити».

После двух миль (3213 м) дистанции Окороков и Драйвер, не выдержав сумасшедшего темпа, бежали позади уже метрах в ста. Видя, что Чатауэй не отстает, Куц начинает свой первый спурт. Он перешел почти на спринт и в течение 200 метров бежал почти с предельной скоростью. Но Чатауэй принял этот вызов, не переставая быть тенью Куца.

Через круг Куц снова делает попытку оторваться от англичанина. На этот раз рывок его более затяжной. Сначала кажется, что Чатауэй не выдержал этого сверхчеловеческого напряжения. Он отстает... Но крик толпы: «Не отпускай его, Крис!», беспрерывное скандирование трибун «ЧА-ТА-УЭЙ!» словно подталкивают его вперед, и он снова на пятках у Куца.

Наш спортсмен начинает третий спурт. Скорость доходит до предела. Кажется, что оба бегуна уже финишируют, но ничего не меняется — впереди Куц, следом — Чатауэй. Пройдено три мили (4827 м). По ходу бега Куц бьет мировой рекорд на этой дистанции — 13 минут 27 секунд.

Начинается решающий круг. Рев трибун достигает невероятной силы. Но, перекрывая его, слышен голос Роджера Баннистера, чемпиона Европы в беге на 1500 метров, который в течение поединка непрерывно сообщал Чатауэю его время по кругам: «Ты взял его, Крис! Ты взял его!»

Сто метров до финиша. Куц впереди. Пятьдесят метров до финиша... Куц впереди. Десять метров до финиша, пять... Два бегуна рядом. Откинув голову, закрыв глаза, с мученической гримасой на лице вперед бросается Чатауэй и на грудь опережает Куца.

Англичанин установил мировой рекорд, пробежав дистанцию за 17 минут 51,6 секунды.

Первыми словами Куца после финиша были: «Я все равно побью этот рекорд».

На следующий день газета «Сандэй грэфик» опубликовала интервью Чатауэя:

«...Что можно сказать об этом беге? Для меня это дело не новое. Не потому, что я часто прибегаю к такой тактике, а потому, что я на тренировке уже много раз мысленно пробежал эту дистанцию с Куцем, хотя и в его отсутствие. Даже сидя дома с матерью, слушая музыку по радио, лежа в ванной, идя в контору утром, я много раз в уме выигрывал этот бег. Мои умственные и психологические приготовления важны для меня столь же, сколь и физическая тренировка.

Три раза Куц делал ужасные ускорения. Я их ожидал, но все равно принимать их было очень трудно. А Куц все держал и держал высокий темп, и я чувствовал, что силы оставляют меня. Крик Роджера, покрывший рев толпы: «Ты держишь его, Крис!» — как бы подстегнул меня в самый критический момент. Я сразу понял, что Куцу не легче, чем мне. Роджер Баннистер очень помог мне победить.

Один момент, к которому я особенно готовился, был мой старый враг — страх перед последним кругом. Мне всегда представляются тонущий человек и его ощущения, когда он захлебывается, момент, когда он захлебывается, момент, когда он вынужден сдаться и пойти ко дну. Перед последним кругом именно так я себя и чувствовал и почти согласился с тем, что буду вторым... Но все же я боролся как никогда и после финиша действительно не мог пройти и нескольких шагов».

Так говорил будущий член парламента, один из немногих счастливцев, сумевших опередить Куца.

Через десять дней Куц бежал 5000 метров в Праге. Погода была прохладной, дул сильный ветер. «На этом стадионе невозможно бить рекорды», — сказал за день до соревнований Затопек. Но этот бег должен был решить, умеет ли Куц держать свое слово. На волну пражских радиостанций настроились многие спортсмены мира. Затаив дыхание слушал и переживал бег Чатауэй.

Бег Куца был как один страстный порыв. 17 минут 51,2 секунды — Куц вернул себе мировой рекорд.

...Полтора года спустя Куц приехал на соревнования в норвежский город Берген. Лишь здесь он узнал, что его уже целый месяц дожидается другой английский бегун — Гордон Пири, отлично подготовленный, полностью акклиматизировавшийся и прекрасно знающий, что, верный себе, Владимир Куц поведет бег на предельной скорости. Так оно и случилось. И Пири на целых полтора года стал мировым рекордсменом в беге на пять километров, перехитрив тактически соперника.

И все-таки Куц отобрал у него этот рекорд, когда они сошлись в жесточайшей дуэли на олимпийском стадионе «Крикет Граунд» в Мельбурне...

Благородство легко уязвимо. В жизни люди «здравого смысла» назовут его в лучшем случае чудачеством. То же и в спорте... «В Куце я не нашел ничего, кроме безжалостной беговой машины», — писал накануне Мельбурнской олимпиады на страницах американского журнала «Спортс иллюстрейтед» Роджер Баннистер. «Сможет ли робот победить спортсменов-мыслителей?» — вторила ему одна из мельбурнских газет. И сама же отвечала: «Нет, в хитроумной тактической борьбе такие спортсмены, как Куц, победить не могут».

Но Куц вопреки этим прогнозам стал истинным героем Мельбурна.

После финиша бега на 10 000 метров, еще не переведя дыхания, Гордон Пири заявил журналистам: «Меня потряс не тот факт, что он победил меня, а как он это сделал».

Вот свидетельство очевидца этого бега Г. В. Коробкова:

«В пятницу, 23 ноября, на старт олимпийского финала бега на 10 000 метров вышли 23 сильнейших бегуна, представители 14 стран мира. После выстрела Владимир Куц вырвался из середины первого ряда стартующих и сразу же предложил темп бега, который был по плечу хорошему бегуну на 1500 метров. Гордон Пири с первых же шагов, следуя старой тактике англичан, был неотступно позади Куца. Он решил повторить то, что ему удалось в беге на 5000 метров в июне в Норвегии, когда Куц на своих плечах привел его к мировому рекорду.

Все мы, сидевшие на трибунах, затаив дыхание следили за тем, что происходит на беговой дорожке. В высоком равномерном темпе (круг — 68,6; 68,8; 68,0) повел Куц своего соперника. Пири бежал легко и свободно, как бы сдерживая себя, чтобы не наткнуться на идущего впереди Куца. На 5-м круге Куц решил испытать силы Пири и внезапно сделал такой рывок, что тот сразу отстает от него метров на восемь. Однако Пири, все еще полный сил, легко ликвидирует просвет, и к началу 6-го круга он снова «на пятках» у Куца. Владимир резко сбавляет темп — круг за 71,6. Но, несмотря на это, Пири не выходит вперед. Их «достают» Ковач, Лоуренс, Чернявский.

На 7-м круге Куц отходит сильно вправо и бежит по второй дорожке, предлагая тем самым Пири выйти вперед и повести бег.

Пири остается позади, «на плече» у Куца. 7-й круг пройден за 68,8. На 8-м круге Куц снова спринтует и, предлагая высокий темп, пробует силы Пири на длинном ускорении: 68,6; 67,6; 67,9; 67,6.

Однако к концу 11-го круга Пири прочно удерживается за Куцем, оба они сильно отрываются от остальных бегунов. Кажется, что роли в этой игре рас-

пределились: Пири — охотник, Куц — его жертва. Пири бежит настолько близко к Куцу, что тот боится, как бы англичанин не наступил ему шипами на пятку. Владимир резко уходит вправо, на третью дорожку, открывая дорогу для Пири. Но англичанин верен себе: он ни за что не хочет идти вперед. Его задача — удержаться за Куцем до последних 200 метров, а затем, используя свое превосходство в скорости, уйти от него. 5000 метров оба бегуна проходят за 14,06,6 — результат, равный олимпийскому рекорду.

12-й круг — 70,0, 13-й — 71,7, 14-й — 71,8. На 15-м круге Куц решает совершить очередной спурт. Нельзя давать Пири возможность бежать равномерно, надо стараться «вымотать» его до финиша. 15-й круг — 66,6...

Уже видно, что не так-то легко удается Пири снова достать Куца, но он это делает. И на 16-м круге происходит почти невероятное: Владимир практически перестает бежать, резко отходит вправо, легко трусит и, повернувшись лицом к Пири, рукой показывает вперед, предлагая ему возглавить бег. Но Пири и теперь отказывается. Многие на трибунах решают, что борьба окончена и Куц вот-вот сойдет с беговой дорожки. Круг — 73 секунды.

На 17-м круге Куц решительно устремляется вперед (68,6). Это ускорение и решило исход борьбы. Пири продолжал сидеть на «пятках» у Куца, все полагали, что англичанин уже прочно держит в своих руках золотую олимпийскую медаль. Надо отдать должное Пири: хотя он и чувствовал себя в этот момент уже побитым, его внешний вид ничего не говорил зрителям.

Но вот пройдены 18-й, 19-й и 20-й круги (72,7; 71,6; 73,1). Куц начинает новый спурт. И здесь стало всем ясно, что Пири сломан. В конце 20-го круга Куц настолько замедлил бег, что Пири против своего желания вышел вперед. Куц почти остановился, пропустил Пири вперед. По лицу своего противника он понял, что настал момент решительного удара. Пробежав около 100 метров за спиной Пири, Куц вновь бросился вперед. Постепенно ускоряя бег (69,6; 67,4), он все дальше и дальше уходил от своего соперника.

Теперь Пири не узнать. Он как-то осел и, еле-еле передвигая ноги, буквально плелся к финишу, не обращая внимания на то, что один за другим его обходят Ковач, Кшиковяк, Норрис, Чернявский, Пауэр.

23-й круг — 69,2, 24-й — 70,0 — передышка, и вот долгожданный финиш Куца — 66,6. Первая золотая медаль завоевана!

После финиша Пири сказал: «Он убил меня. Он слишком хорош для меня. Куц безусловно величайший бегун, и я никогда не смог бы побить его».

В финальном забеге на 5000 метров Куц с самого старта взял такой ошеломляющий темп, что ни один из соперников не сумел приблизиться к нему.

После восьми кругов Чатауэй сделал рывок, пытаясь удержаться за Куцем. Это не прошло ему даром: на финише он был лишь 11-м.

«Сказочный человек Куц завоевал сердца австралийцев» — под таким заголовком вышла мельбурнская газета «Аргус» после его победы на 5000 метров.

Роджер Баннистер признал в том же «Спортс иллюстрейтед»: «Куц — не машина. Его мозг столь же прекрасно подготовлен, его мышление столь же совершенно, как и тело».

Французская газета «Экип» — возможности телевидения, увы, тогда были ограничены — выразила сожаление: «Как жалко, что только 100 тысяч человек присутствовали на таком напряженном спектакле. Эта необычная дуэль заслуживает того, чтобы за ней наблюдал весь мир».

Австралийская «Геральд» с удивлением отметила: «В Куце есть что-то от человека прошлого, от древних спартанцев, которые были готовы скорее пасть мертвыми, чем признать свое поражение».

Известно: мужского имени Джесси не существует. Тогда почему же четырехкратного чемпиона игр XI Олимпиады американца Оуэнса зовут только так? Да потому, что в детстве многочисленным братишкам и сестренкам лень было называть маленького Джеймса Кливленда полным именем. Джеймса они сократили до «Джи», а Кливленда, начинающегося в английском языке с буквы С до «Си». С этим коротким и быстрым, как выстрел стартера, «Джесси» Оуэнс вошел, вернее — ворвался в олимпийскую историю.

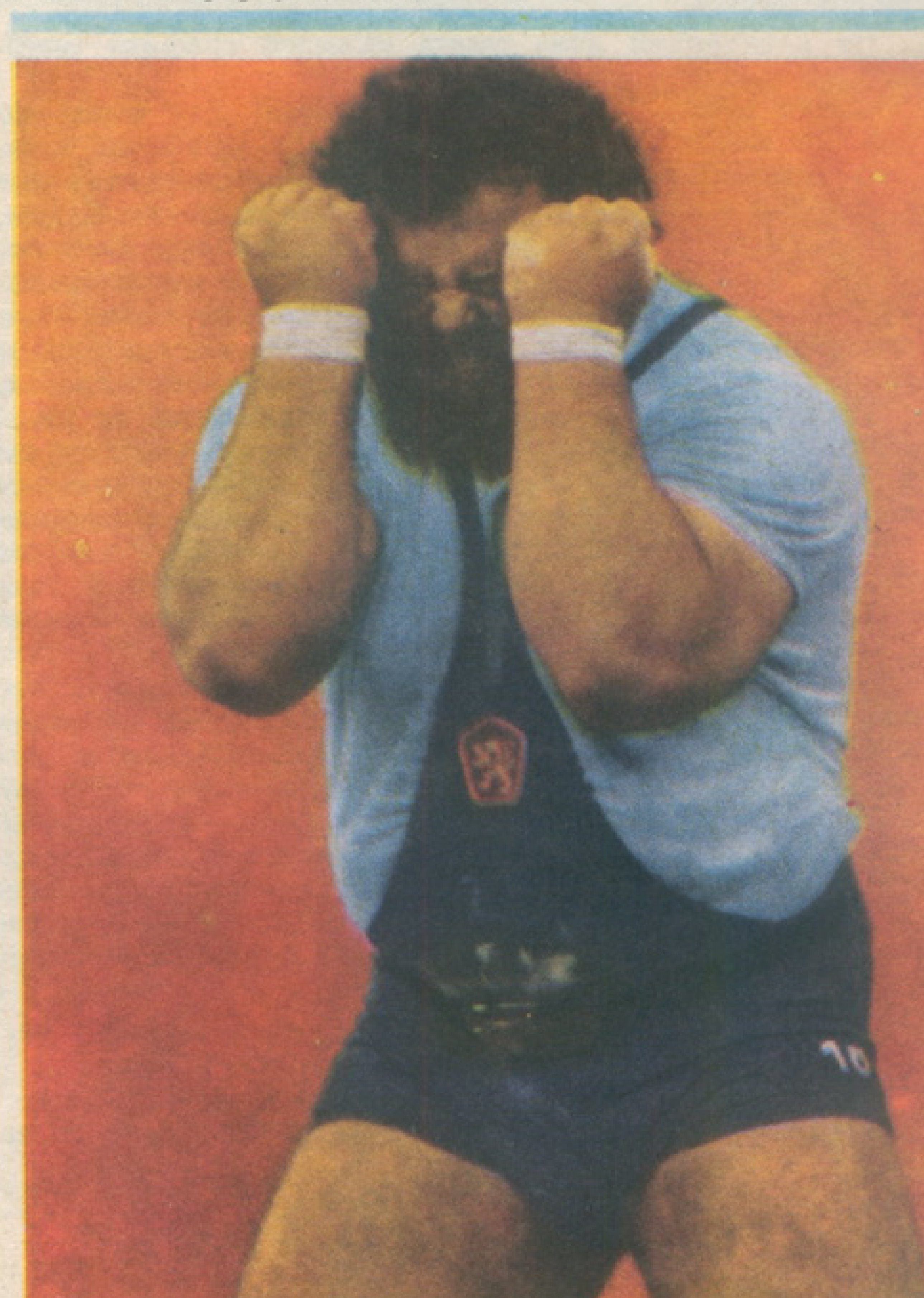
100 тысяч человек собрались на берлинском стадионе 1 августа 1936 года. Штандартов с изображением свастики здесь было побольше, чем олимпийских флагов.

Они пришли сюда, чтобы увидеть то, о чем им твердили на каждом шагу: арийская раса превыше всех рас. Естественно, что арийцам на Олимпиаде не будет равных.

Киногруппа фашистского любимца — режиссера Ленни Рейфенсталя получила от Геббельса специальное задание: запечатлеть на кинопленке победы атлетов Германии над всеми прочими. И название для фильма придумали соответствующее — «Боги стадиона». Разные по творческой манере кинооператоры вели съемки с разных точек и под разными углами. Но, когда пленку проявили, а ленту смонтировали, стало ясно: главная роль в этом фильме у 22-летнего негритянского спортсмена Джесси Оуэнса.

Он победил не только соперников. Побежденным оказалось и фашистское министерство пропаганды со своим бредовым замыслом — продемонстрировать миру превосходство арийской расы. Титул «бога стадиона» и четыре золотые олимпийские медали достались чернокожему.

...Семья Оуэнсов жила в районе Кливленда, который можно назвать как угодно, но только не фешенебельным. С наступлением темноты его улицы пустели — мало кто хотел рисковать жизнью и кошельком. Джесси десятый и не последний ребенок в семье, такой же многодетной, как и бедной. Судьба уготовила ему тяжелую и безрадостную жизнь. Он вел ее до двенадцати лет, и, возможно, фортуна не улыбнулась бы ему до самой

КАК СТАТЬ ЛЕГЕНДОЙ

Николай ДАРЬИН

смерти. Но однажды учителю математики (а заодно и физкультуры) далеко не лучшей в Кливленде школы пришла в голову счастливая мысль. Взяв секундомер, он решил точно выяснить, за сколько же пробегает шустрый, отлично сложенный парнишка дистанцию в 220 ярдов. Учитель кинул взгляд на испуганно застывшую стрелку и чуть не выронил секундомер. Результат был невиданно высок. Не веря глазам и секундомеру, он заставил Оуэнса еще раз выйти на старт. Джесси снова рванулся вперед, и учитель понял: он открыл миру новый спортивный талант. Это случилось в 1926 году, и в благодарность за это открытие история донесла до нас имя прозорливого преподавателя: Чарльз Рили.

Оуэнс стал великим легкоатлетом. С таким же успехом он мог бы сделаться великим баскетболистом. Сравнительно невысокий, Джесси играл на такой скорости и так технично, что его, негра, выбрали капитаном школьной баскетбольной команды. В США, где в баскетбол играет почти любой школьник, это что-нибудь значит. В футболе, естественно американском, ему тоже не было равных. Но больше всего на свете Джесси любил быстрый бег.

«...Можно сказать, что бег вывел меня в люди», — писал Оуэнс в своей книге. Сын батрака, он и в школу попал только благодаря стараниям матери. Она героически боролась за каждый доллар, каждый цент, лишь бы любимый Джи-Си научился читать и писать.

А сам Джесси мечтал, страшно сказать, — об учебе в колледже. Дорогу туда негритянскому парню из небогатой семьи мог открыть только спорт. И в тридцатые годы и сейчас американские университеты ведут настоящую охоту за спортсменами. Опытные тренеры разъезжают по штатам, часами не выходят из школьных спортзалов. Ведь хорошие спортсмены — лучшая реклама для высшего (и частного и государственного) учебного заведения. И задача тренера — найти, разглядеть будущую звезду легкой атлетики или баскетбола. Поступление в колледж для талантливых атлетов — чистая формальность. Но Оуэнса, который, кстати, учился очень неплохо, заботило другое. Как правило, спортсмены освобождаются от платы за учебу. Больше того: они получают вполне приличную стипендию от какого-нибудь спортивного фонда или частных лиц, а в дни тренировочных сборов и соревнований бесплатно завтракают и обедают в столовой кампуса.

И поэтому тринадцатилетний Оуэнс не пропускал тренировок. Каждый день приходил он на стадион и до пота, до изнеможения накручивал круги по дорожке. Спортивный преемник Оуэнса, западногерманский спринтер Армин Хари, первый в мире пробежавший в 1960 году 100 метров за десять и ноль десятых секунды, был коллекционером. Он собирал тоненькие финишные ленточки, которые разрывал грудью. Из них чемпион Римской олимпиады начал вязать носки. Этих ленточек Оуэнсу хватило бы на спортивный костюм. Он любил соревноваться. Стартовал во всех школьных состязаниях по легкой атлетике. И всегда выходил победителем в спринте. В 14 лет он пробежал 220 ярдов (немногим больше 200 метров) за 22,9 секунды. В 15 — стометровку за 10,8 секунды. И прыгнул в длину под семь метров. Результаты для подростка по тем и по этим временам великолепные. В последнем, выпускном классе

▼

Я носил с колонки воду и дрова колол в сарае, а вечером, перед сном, проверял у зеркала бицепсы и плечи. Зеркало висело в бельевом шкафу. Может быть, оно чтото искажало, но я был рад, что я не самый слабый в классе и плечи у меня пошире, чем у многих в нашей школе, где был госпиталь в войну. На школьном чердаке еще валялись гильзы от зениток. (Все это тоже имеет свое отношение к XXII летним Олимпийским играм в Москве.)

А потом я увлекся штангой. И мне теперь понятно счастье и отчаяние могучих тяжелоатлетов, которых вы видите на этих фотографиях в журнале. Я сам выжимал 70. И это был мой личный рекорд, до сих пор не побитый мной. А Саша Клюев, парень из нашего подъезда, даже стал кандидатом в мастера по тяжелой атлетике. Он выступал за ДСО «Спартак» в Доме культуры «Новатор». Я помню вечер его триумфа. Меня пустили за кулисы, пото-

▶

он приземлился уже на отметке 7 метров 65 сантиметров. Мечта об университетском дипломе сбывалась — помогли рекорды. Оуэнса пригласили несколько колледжей. По совету Чарльза Рили, осенью 1933 года он выбрал университет в штате Огайо. Именно там работал знаменитый тренер Ларри Снайдер.

Оуэнс понравился Снайдеру не только отличной мускулатурой и гибкими мышцами. Этим его удивить было трудно. Трудолюбивого и послушного Джесси не надо было ни о чем просить дважды. Он и тренировался каждый день. В тридцатые годы о таком еще не слышали. Оуэнс не признавал выходных: по уик-эндам он выступал в соревнованиях. Джесси бегал все дистанции от 100 ярдов до 400 метров. И прыгал в длину.

...О нем заговорили. Потом стали писать. На него рассчитывали и считали олимпийской надеждой. Дружелюбный, всегда приветливый Оуэнс старался не разочаровывать журналистов и болельщиков. Он делал все, чтобы надежды сбылись.

...25 мая 1935 года. Возможно, не сознавая того, к этому дню Оуэнс готовился всю свою жизнь. Правда, по дороге из Огайо в штат Мичиган и сам Оуэнс вряд ли мог предположить, что на студенческих соревнованиях в Энн-Арборе он повторит один и побьет пять мировых рекордов. Готов спорить: этого великого рекорда уже не улучшить — он вечен, бессмертен.

Для любителей статистики и просто для сведения: на все это у Джесси Оуэнса ушел какой-то час. Он начал со ста ярдов. В 15 часов 15 минут студент из штата Огайо повторил высшее мировое достижение на этой дистанции — 9,4 секунды. Через десять минут его уже увидели в секторе для прыжков в длину. Первая же попытка оказалась рекордной — 8 метров 13 сантиметров. Даже невозмутимый Оуэнс на этот раз торопился: от остальных попыток спортсмен отказался. Джесси спешил не зря. Без пятнадцати четыре его ждал новый старт. Здесь одним махом он поверг сразу два рекорда мира. Промчался 220 ярдов по прямой за 20,3 секунды и установил рекорд по ходу бега на 200 метров. Последний старт Оуэнс принял в 16 часов 00 минут. Главный судья соревнований вздохнул с облегчением: он чертовски устал. Фиксировать рекорды неутомимого Джесси было нелегко. А улыбающийся Оуэнс пробежал 220 ярдов с барьерами за 22,6 секунды. К тому же по ходу дистанции он побил мировой рекорд на 200 метров. Со своими результатами в спринте Оуэнс был бы призером Олимпийских игр 1964 года. И все-таки какой же рекорд самый важный, самый ценный? Не боясь ошибиться, скажу: в прыжках в длину. Первым в истории он приземлился за восьмиметровой отметкой. Скорость, гибкость, прыгучесть, мощные мускулы позволили Оуэнсу стартовать в мае 1935-го, а приземлиться в 1960 году. Да, рекорд продержался 25 лет и два с половиной месяца. Только 12 августа 1960 года его на восемь сантиметров улучшил другой негритянский атлет — Ральф Бостон.

Вообще с рекордами по прыжкам в длину происходят чудеса. Они, пожалуй, наиболее капризные и своенравные из всех в легкой атлетике. В 1968 году на Олимпиаде в Мехико американец Боб Бимон прыгнул на 8 метров 90 сантиметров. Он прибавил к мировому рекорду сразу 55 сантиметров. И, как говорят некоторые специалисты, «убил» этот вид легкой атлетики. Считается, что улучшить результат Бимона практически невозможно. По крайней мере, за последние годы никто не смог даже приблизиться к нему. Кое-кто призывает аннулировать достижение олимпийского чемпиона из Нью-Йорка. Мол, и прыгал Бимон в высокогорном Мехико, где разреженный воздух позволяет приземляться капельку подальше, и ветер был, хоть и в пределах нормы, но все-таки попутный. По-моему, эти предложения так и останутся предложениями, а рекорд — рекордом.

Но в 1936 году 8 метров 13 сантиметров Оуэнса были равны 8 метрам 90 сантиметрам Бимона. На Олимпиаде в Берлине с Джесси не мог соперничать никто. Доказательства? Его четыре золотые олимпийские медали: 100 метров — 10,3 секунды, 200 метров — 20,7 секунды, прыжки в длину — 8 метров 06 сантиметров, эстафетный бег 4×100 метров, в котором команда США установила мировой рекорд — 39,8 секунды. Тройную победу Оуэнса в спринте удалось повторить лишь через двадцать лет в Мельбурне Бобби Морроу из Техаса...

Итак, Оуэнс стал героем Олимпиады-36 в Берлине. Именно он, выиграв четвертую золотую медаль, заставил Гитлера покинуть стадион. Но и до этого чернокожий атлет доставил фюреру немало неприятных минут. Каждый раз после того, как на пьедестал почета поднимались немецкие спортсмены, Гитлер приветствовал их в своей ложе. Жать руку неарийцу фюрер не хотел. И приходилось ему после очередного триумфа Оуэнса стыдливо прятаться где-то в глубине правительственной ложи.

Правда, однажды Оуэнс чуть не проспал свое олимпийское золото. Он заснул прямо на стадионе перед финалом стометровки. Но это не расхлябанность. Просто Оуэнс умел расслабляться, давать себе и своим нервам передышку. Напомню, что перед рекордным прыжком в высоту на 2 метра 35 сантиметров на зимнем первенстве Европы в Турине вот так же мирно задремал в шезлонге наш Володя Ященко. Его разбудили и...

Но вернемся к Оуэнсу. Он приехал из Берлина и закончил университет. Однако спринтерская гонка продолжалась. Теперь Оуэнс бегал не за медалями, а за деньгами. Надо было жить самому и помогать семье. Кто только не был его соперником: и лошади, и маленькие пони, и собаки, даже кенгуру... Зрители радостно смеялись. А бегун боялся, что какая-нибудь скачка окажется последней, стоит только скаковой лошади наступить ему на ногу.

У него было мало общего с чемпионами, стремящимися ковать «железо», пока горячо. Просто соревнования на потеху публике обеспечивали сносное существование многочисленной родне. Чем еще, как не бегом, мог Джи-Си помочь своим братьям и сестренкам. Тренированное тело было его единственным капиталом. Он так и не разбогател, да и, по правде говоря, не стремился к этому.

И таким его видели сотни, тысячи людей пяти континентов. Если учесть, что четырехкратный олимпийский победитель всегда в центре внимания, то легко представить, какая добрая молва идет о нем по всему свету. Помноженная на секунды и сантиметры его великолепных рекордов, она и позволяет Оуэнсу быть по-настоящему великим.

И еще. Оуэнса, естественно, трудно назвать общественным или политическим деятелем. Но никогда, даже в сумрачные годы «холодной войны», Джесси не страшился говорить и делать то, о чем многие боялись и думать. В 1951 году он выступил на огромном берлинском стадионе с речью в защиту мира. Оратору досталось не меньше аплодисментов, чем после его легендарных побед.

66-летний Джеймс Кливленд Оуэнс собирается к нам в Москву. К Олимпийским играм-80 он имеет самое непосредственное отношение. Сотрудничает с фирмой, которая распространяет в Америке советские марки и монеты. Надеется встретиться со своими знакомыми: Валерием Брумелем и Валерием Борзовым и своим добрым другом, экс-рекордсменом мира по прыжкам в длину Игорем Тер-Ованесяном.

В чем видит знаменитый Оуэнс главный смысл Олимпийских игр? На этот вопрос, заданный ему корреспондентом ТАСС, «бог стадиона» ответил так: «Главный смысл в том, что молодые люди различных стран, представляющие различные социальные системы, имеют возможность собраться вместе и прожить несколько недель под одной крышей. И это не вавилонское столпотворение, не вавилонское смешение языков. Молодые люди учатся друг у друга, общаются друг с другом, и от этого общения в какой-то степени зависит наше будущее, мир на земле...»

ГИМНАСТИКА, ДОСТОЙНАЯ ГИМНОВ

Александр ШУМСКИЙ

ЛЮДМИЛА ТУРИЩЕВА:
В сборную страны входит с 1967 года. Абсолютная чемпионка СССР 1972, 1974 годов. Абсолютная чемпионка Олимпийских игр 1972 года. Абсолютная чемпионка мира 1970, 1974 годов. Абсолютная чемпионка Европы 1971, 1973 годов. Входила в команду СССР, завоевавшую первенство на Олимпийских играх 1968, 1972 и 1976 годов, на чемпионатах мира 1970, 1974 годов. Победительница соревнований на Кубок мира 1975 года.

Кто там стоит — за рекордами? За грамотами, лентами наград? Какой такой человек?..

Мы не виделись с ней три года. И вот однажды включил телевизор. И снова она на помосте. Чемпионат Европы среди женщин. Копенгаген, май 1979 года.

...Так я открыл блокнот, с которым был в Ростове.

Ах, если бы сделать сальто назад — во времени, а не в пространстве!

Но никто никогда не покажет нам дважды это интересное кино «Моя жизнь в гимнастике». И ей не покажет. Она это знает. Но в данном случае знание силы ей не придает.

Турищева уходит из гимнастики.

Только она пока не совсем поняла, не осознала, что же произошло.

— Я еще не привыкла к мысли, что больше не буду выступать, — говорила она тогда, в августе 76-го.

Она говорила быстро, иногда сбиваясь с мысли. Сама на себя махала рукой, поправлялась. На ней было легкое платье, такое бледно-розовое платье. Она почти не загорела в то лето. А лето уже кончалось.

Седьмая детская спортшкола города Ростова стояла в самом конце зеленой и тихой аллеи. Листья на деревьях были сочные, без всяких намеков на осень.

— А весной после тренировки выйдешь из зала и вдруг заметишь, что вся аллея в цвету. Потом наблюдаешь, как она желтеет. Если бы не деревья, я бы времени совсем не замечала. Я имею в виду не часы и дни, а месяцы, годы. А здесь, в парке, сама природа подсказывает время...

А время ценить, — говорила она, — научил меня тренер Владислав Степанович Растороцкий.

...Вся жизнь состоит из этапов. Один прошел — другой начинается. Сейчас просто кончился основной этап в моей жизни. Вот и все.

Последнюю фразу она сказала удивительно спокойно, как будто этап кончился для кого-то постороннего...

Через минуту Людмила сказала:

— Многие забывают, что спорт — это маленький кусочек молодости. И все.

— Но ведь три Олимпиады не кусочек молодости, а целая жизнь, — сказал я.

И она вдруг тут же согласилась.

— Да. Самое сложное в гимнастике — выдержать три Олимпиады.

Она выдержала. А теперь сама удивляется — как?

— Если посмотреть со стороны на мои девять лет в сборной, то станет страшно: ведь в гимнастике это

▼

му что я шел вместе с Клюевым — участником соревнований — и тоже вроде был при деле. Знаете, почему в Олимпиаде «главное — участие»? Потому что главные люди — участники. А зрители, судьи, журналисты, массажисты в святые минуты стартов должны покинуть арену и занять свои места на трибунах. И следить за слезами участников, потерявших надежду на выигрыш; и смотреть, как целуют землю победители, и слушать, как кричат от напряжения борцы.

Кто бы знал, как я

▶

бесконечность. И вот я думаю: если все сначала — смогла бы я повторить?.. Смогла бы, наверное.

Она сказала «смогла бы, наверное», и мы начали путешествовать во времени, как по большому гимнастическому залу: от снаряда к снаряду, от Олимпиады к Олимпиаде...

Ее трудолюбие и работоспособность никогда ни для кого не были откровением. Может быть, потому, что Людмила сама в себе не удивлялась с детства этим качествам, а относилась к ним как к обычным дарам природы.

Природа подарила — пользуйся! И девочка эти дары не растеряла.

Тяжелее всего ей было в Монреале. Она привыкла работать на снарядах пятой или шестой в команде, как положено лидеру. А там, в Монреале, ее поставили четвертой на брусьях. Накануне вечером объявили порядок — кто за кем. И она расстроилась: значит, не верят? Может, это потому, что качнулась на бревне? И Надю Команечи из Румынии вперед пропустила? Кто теперь догонит Команечи!.. Она хладнокровная, смелая, аккуратная — все делает чисто.

Ну и что? Эти качества есть и у Турищевой. И не только эти.

Но Команечи 14 лет. Сейчас в гимнастике ее эпоха.

Как в Мюнхене была пора Турищевой. Капитан, комсорг и лидер сборной, она выходила на помост, и в каждом ее движении, шаге, повороте чувствовалась надежность.

...А потом мы вспоминали Мехико. Олимпийские игры 1968 года. Это путешествие во времени заняло, как помнится, пять минут.

— Там было здорово. Мексиканцы очень любили Наташу Кучинскую и под нашими окнами в олимпийской деревне каждую ночь пели серенады. В Мексике вообще было легко и весело.

О трудностях перелетов, акклиматизации, волнениях на старте она совсем не вспоминала. Там ей было 16 лет.

— Тогда я не понимала, как можно уставать от тренировок. Меня выводили из зала и говорили: хватит. А я опять бежала к снарядам...

За последние годы много фильмов обо мне снимали. Я их видела — мне в них одно не понравилось. Все режиссеры знали, что я трудолюбивая, и поэтому показывали, как я тружусь, тружусь, тружусь... И как я бесконечно устаю! Сейчас, мне кажется, что я не уставала.

«И правда, когда я все успевала?» — спросила она у себя. И пожала плечами в ответ.

Николай Васильевич Гоголь писал, наверное, про таких людей: «Счастье — в труде».

Привычка к постоянному, бескрайнему труду передалась ей по наследству: от бабушки, от мамы и отца. Она была естественна как воздух. Работать ради ближнего, ради покоя и порядка в семье у них всегда считалось главным делом. А Люда своим трудом, своей гимнастикой с четырнадцати лет дарила минуты счастья не только своим родным, но и многим совсем незнакомым людям.

...Человек имеет право лишь на те слова, которые он заслужил. То есть произносить он может любые высокие слова, но цена им будет невысока. Хотя звенеть они будут, конечно, громко, как мелочь в трамвайной кассе.

Турищева имеет право сказать: «Кончился мой этап в гимнастике».

В ее гимнастике было много открытий. В ней сочетались вещи несовместимые, далекие друг от друга. Нежность и надежность, например. Хотя не стоит писать об этом в прошедшем времени, ибо все, что Турищева принесла в спорт, в нем и останется, не пропадет. Не зря же маленькие девочки города Ростова приезжали в седьмую спортшколу в половине седьмого утра и ждали: что им сегодня покажет Турищева?..

Арбитры что? Арбитры, если надо, поставить могут даже десять-ноль. Другое вызывает нас к снарядам — взгляд девочки, стоящей за спиной. Иди! Не обмани ее надежды, не растеряй ни веры, ни любви. Но только там, в полете, где-то между, где каждый шаг и жест непоправим, ты оглянись — и взгляд ее лови.

Как будто обруч кинули: лови!

...И вот опять одна на всем помосте ты ждешь оценки, веки опустив. «Волнуешься, конечно?» — «Что вы, бросьте! К чему такой заезженный мотив...» Арбитры что? Арбитры, если надо, поставить могут даже десять-ноль. Другое вызывает нас к снарядам — взгляд девочки, стоящей за спиной.

Гимнастика становится сложнее с каждым днем. В ней уже появились трюки, которые даже Людмила не выполнит на 10,0. Даже при всем ее старании и работоспособности.

— Но трюк сам по себе не доставит удовольствия зрителям. Его надо преподнести как легкий элемент. И здесь тоже трудность.

У маленьких девочек, которые пришли в большую гимнастику, это получается — они бесстрашные. А у меня уже возраст не тот... — сказала мне девочка двадцати трех лет.

...Эпоха Турищевой была стремительной и яркой. Она войдет в историю спорта как переходный возраст спортивной гимнастики. От классической, строгой, латынинской до детской, бесшабашной, рискованной, озорной гимнастики Нади Команечи, Маши Филатовой, Натальи Шапошниковой.

Я спросил у Людмилы, какая манера ей ближе. И был наказан за стандартный вопрос неожиданным ответом:

— Я гимнастику всю люблю, — сказала она. — Пусть ее сейчас воспринимают как игры маленьких детей.

...Их научили прыгать, делать сальто, петлю Корбут. Но пока в их комбинациях часто нет главного — души, понимания. Многое и в спорте, и в жизни они делают бессознательно. Конечно, со временем они осмыслят каждый свой шаг, и прыжок, и взгляд. Их комбинации станут одушевленными. Они поймут, что гимнастика — чудо.

...Не помните, писал великий кто-то: мы детство вспоминаем лишь тогда, когда нам грустно. Разве так всегда?..

Под музыку мы учимся ходить. Под музыку шагов и звон трамваев. Не замечаем часто впереди, как девочка под музыку летает. Что нам ее заботы и дела? Виновна в деловитости эпоха. Но девочка в гимнастику пришла — и полетела... Разве это плохо?

А она вспоминает о том, что никогда не видела Ларису Латынину на помосте. Потому что в городе Грозном, где Люда жила, телевизоров тогда почти не было, да и гимнастику не показывали.

А когда у бабушки появился КВН, его поставили на окно — экраном во двор. И вся улица к ним приходила — удивляться.

Кроме телевизора, у бабушки было много всего интересного, что осталось в памяти у Люды: утки, кролики, собака, кот. И голуби. Но это уже у отца.

Люда после тренировки бегала за травой для кроликов, поливала в саду цветы, кормила уток. Ей нравилось отпускать собаку на ночь — пусть себе гуляет. Собака дрожала от счастья, стучала лапами по пыли, когда девочка быстрыми пальцами отстегивала ошейник и говорила: «Сейчас, глупая, сейчас!»

И возможно, именно эти детские воспоминания тоже вошли в ее труды по гимнастике — в ее вольные упражнения на известных всемирно подмостках. Где каждый выражал себя как мог...

А тренер Люды — Растороцкий — работал тогда помощником машиниста в депо. Жизнь его была трудной и строгой, хоть сам он был еще молод и силен: занимался штангой. Вырос он один и радостей в жизни видел мало. Так и привык идти по бездорожью. Но никогда потом других не заставлял. (Великое, кстати, достоинство.)

...Часто больших и сильных телом людей тянет к красоте, изяществу и легкости. Он поставил себе цель: стать мастером спорта по гимнастике. В депо над ним смеялись, и шутки эхом ударялись в потолок. Смеялись

над ним и в спортзале, когда он брался ручищами за перекладину и она прогибалась под тяжестью.

Этот человек постоянно ставил перед собой непростые цели. Но в отличие от многих из нас он достигал их. И никогда не поворачивал назад. И Люду научил.

— Для меня он был богом. В десять лет я пришла в спортзал и увидела увлеченного человека. Может быть, со стороны незаметно, что я впечатлительная. Но если я полюблю, то сделаю все ради любви.

Так было с гимнастикой.

Как же мы тренировались! Был только тренер и зал. Когда к концу недели мы все-таки уставали, Растороцкий старался нас развеселить. Вместе с нами делал сальто, прыгал. Проводил тренировку как игру.

Растороцкий только на вид такой суровый. На самом деле он добрый...

Вы напишите: добрый, правдивый и дальновидный. Всегда заботится о тех, с кем работает.

Он говорил мне: если от 18 до 25 лет хочешь чего-то достичь — достигнешь всего. Только нужно знать, чего ты хочешь.

— А ты знала? — спросил я с блокнотом.

— Я-то знала, — ответила, глядя на листья в окне, олимпийская чемпионка, серьезная девочка в розовом платье.

Наталья Кучинская сказала однажды: «У Турищевой срывов не бывает».

Но ведь это не так. Не бывает железных людей, кроме роботов.

Люда тяжело переживала свой провал на первенстве Европы в 75-м году. Тяжело, но недолго.

Мало кто знал из любителей спорта, что три месяца перед чемпионатом Европы Турищева не заходила в зал: у нее была травма — трещина в позвонке. Не надо быть медиком, чтобы понимать, какая это травма.

Так началась в ее жизни черная полоса. И продолжалась почти год. До сих пор были одни белые полосы, такими она их считала, по крайней мере. А тут — то болезни, то травмы.

— А на Кубке мира кончилась моя черная полоса, — сказала Люда.

В программе «Время» этот эпизод показывали несколько раз. Кубок мира по гимнастике. Лондон. Дворец спорта. Людмила Турищева заканчивает комбинацию на брусьях. Вот она делает соскок и улыбается. А за спиной, с металлическим звоном падают брусья...

— Все спрашивали потом: испугалась или нет? Я настолько отключаюсь от всего во время выступления, что не вижу ничего и не слышу. В тот момент помнила лишь об одном: впереди упражнение на бревне. Бревно в многоборье — контрольно-пропускной пункт. Человек привык ходить по широкой земле, а здесь — тропа в двенадцать сантиметров...

Конечно, если бы в ту минуту мне показали в видеозаписи, как падали металлические брусья, я, может, и не смогла бы в тот вечер выйти на помост.

Что сказала мама, когда я вернулась? Ничего. Она всегда рада, если я приезжала здоровая, нетравмированная. Тогда они с бабушкой говорят: «Ну слава богу, ты дома».

Была шумная свадьба: Турищева выходила замуж за Борзова — тоже олимпийского чемпиона. Их сближало не только почетное звание в спорте. Характеры давно их были схожи.

После свадьбы они переехали в Киев. В декабре 1978 года родилась у них дочь Татьяна.

А уже в мае 79-го Людмила снова начала тренироваться, подключилась к сборам женской команды Союза. И на чемпионат Европы в Копенгаген поехала выводящим тренером сборной страны.

И вроде бы все повторилось: она снова выводила на помост свою команду под музыку и аплодисменты. Только на бревне танцевала уже не она, а Лена Мухина. А на брусьях крутилась Наталья Шапошникова, чемпионка Европы, с которой вместе, в Ростове, пять лет тренировалась у Растороцкого.

И когда она шла к снаряду, чтобы стать чемпионкой, Турищева тихо сказала ей — тоном тренера Растороцкого: «Шапка, милая, давай!..»

Или так мне показалось на экране.

...Ах, если бы только сделать сальто назад — во времени, а не в пространстве!

▼

мечтал об этом мире! О главной роли простого участника. Вот ты выходишь на ковер, или на поле, или на ринг. И тебя объявляют — никому не известного. И вежливые хлопают тебе, и свистят невоспитанные. И близкие родственники гордятся, сидя на стадионе, а дальние родственники — у телевизоров. И ты бросаешь противника, и забиваешь гол, и отправляешь мяч в корзину и стрелу в цель, и выполняешь «двойное сальто прогнувшись». Потому что ты все умеешь делать лучше всех.

►

СЕКРЕТЫ КЛАУСА

Николай ДОЛГОПОЛОВ

В наше время, когда спортивные звезды зажигаются и гаснут, его золотой путь длиною в четыре Олимпиады кажется фантастическим. Четырнадцать лет выступал Клаус Дибиаси за сборную Италии по прыжкам в воду. И как! Одно перечисление его титулов заняло бы половину статьи. И потому назову основные: многократный чемпион и обладатель Кубка Европы по прыжкам с десятиметровой вышки и трехметрового трамплина. Победитель первенств мира. Серебряный призер XVIII, чемпион XIX, XX, XXI Олимпийских игр.

Он и сейчас, наверное, мрачнеет, разговаривая с американским телекомментатором Бобом Уэбстером. Немного располневший и здорово полысевший Роберт Дэвид Уэбстер был чемпионом Римской и Токийской олимпиад в прыжках с вышки. Американец примирительно хлопает Дибиаси по плечу, повторяя, видимо, уже десятки раз повторенную фразу: «Не надо расстраиваться, маленький Клаус. Ты обязательно победишь в Мехико».

При этом Роберт громко хохочет — всегда приятно посмеяться над собственной шуткой. Клаус вежливо улыбается. Но чувствуется — ему не до смеха.

В апреле 76-го года я несколько раз наблюдал за этой игрой, происходившей в роскошном огромном бассейне маленького канадского городка Этоубико близ Торонто. К тому времени главный тренер сборной СССР Герт Буров познакомил меня и с Дибиаси, и с его отцом.

Но, прежде чем набрасываться на Клауса с вопросами, мне хотелось поближе присмотреться к чемпиону. Я не торопился: предолимпийское турне сильнейших прыгунов в воду по Канаде, Мексике и США было рассчитано на три недели.

Что нравилось в Дибиаси больше всего? Пожалуй, его дружелюбное спокойствие. Он терпеливо объяснял симпатичной канадке Тэмми Маклеод, почему у той никак не идут прыжки в полтора оборота. Беседовал о чем-то на понятном только прыгунам в воду языке с нашим Колей Михайлиным. Трогательно ухаживал за своей матерью. Вежливо позировал фотокорреспондентам. И, наконец, совсем не реагировал на оценки, которые выставляли хорошо ему знакомые, но не всегда к нему благоволящие судьи.

Однако неизвестная мне сотрудница известной авиакомпании «Эйр Канада» решила свести меня с Дибиаси поближе. Во время утомительно длинных перелетов по маршруту Торонто — Мехико — Акапулько — Даллас — Майами моим соседом по креслу неизменно оказывался Клаус. Пролетая над Мехико, мы разговорились.

Я спросил его об Уэбстере — толстом американце. Дибиаси рассмеялся: «В эту игру мы играем с 64-го года. Ведь я прыгал еще в Токио. Занял на «десятке» второе место. Уступил Бобу немного, чуть-чуть. (И Клаус показал на пальцах сколько. Выходило действительно очень мало.) Я расстроился. Разревелся. Меня старательно утешала вся сборная Италии. А потом подошел и Уэбстер со своей фразой про Мехико. Уэбстеру было тогда лет двадцать пять. Мне, шестнадцатилетнему, он казался глубоким стариком, нагло отнявшим мое «золото». Боб уже был чемпионом в Риме. Хватит. Попрыгал — уступи место другим. А Уэбстер в упор смотрел на меня и, покачивая головой, нашептывал что-то про Мехико. Лишь недавно я понял, что испытывал Уэбстер в 64-м, и мне стало стыдно за свои детские обиды. Он хотел уйти непобежденным. В Токио Боб последний раз поднялся на вышку и завоевал последнюю, самую дорогую, золотую медаль. Американец смотрел на меня и думал: «В Мехико меня уже не будет, и этот рыжий Дибиаси действительно выиграет. Боже, как не хочется уходить. Пора, пора...» Сегодня мечты Уэбстера — мои мечты. Мы, итальянцы, верим в приметы. Мне везло в олимпийских городах, начинающихся на букву М — Мехико, Мюнхен. Может, посчастливится и в Монреале?

Если бы Дибиаси знал, что случится с ним в Монреале, его вера в приметы дала бы глубокую трещину: ему там не повезло. Травму, полученную Клаусом за несколько дней до старта, можно смело назвать идиотской.

Знаменосец итальянской сборной красиво вышагивал по залитому солнцем монреальскому стадиону. Клаус был и элегантен, и импозантен, и подтянут. Если бы мне пришлось когда-нибудь снимать фильм о знаменосце, на главную роль я пригласил бы Дибиаси.

Церемония открытия неожиданно затянулась. Вязкая жара не покидала празднества. Девушки-канадки, державшие в руках таблички с названиями команд-участниц, падали в обморок. Спортсмены, как и подобает олимпийцам, держались стойко. Но при выходе со стадиона колонна итальянцев сбилась с шага, ряды смешались, и кто-то, конечно, неизвестно кто, совершенно случайно толкнул знаменосца в спину. Тот оступился...

Санитарный фургон с пятью олимпийскими кольцами, уверенно оттеснив остальных претендентов, припарковался около монреальского отеля «Шератон». Из машины выскочил отец Дибиаси, известный прыгунам в воду во всем мире под ласковой кличкой «папа Карло». Глядя на Дибиаси-старшего, я понял истинный смысл выражения «на нем лица нет». Всегда веселый и разговорчивый, папа Карло выглядел так, словно его сын уже проиграл Олимпиаду. Осторожно папа и два здоровенных санитара в белом вынесли из машины Клауса.

— Привезли к какому-то медицинскому светилу, — объяснил знакомый итальянский журналист и, чертыхаясь, рассказал историю злополучной травмы.

Дибиаси все-таки пробился в олимпийский финал на трехметровом трамплине. Но, честное слово, зрелище

это было жалким. По-стариковски волоча ногу, взбирался он на снаряд. Улыбался через силу и почему-то виновато. Потом прыгал. Ему не свистели, не аплодировали. Серия обреченных прыжков чемпиона не вызывала у зрителей никаких эмоций. Судьи были беспристрастно-безжалостны. Золотая мечта рассыпалась на кусочки, обдавая поклонников Дибиаси фонтаном брызг, которые поднимались после каждого его неудачного прыжка. Рядом с трамплином стоял нелепо обмотанный полотенцем папа Карло. Чтобы сдержать слезы, он все время покусывал это цветастое полотенце. Думаю, в тот же вечер полотенце приказало долго жить: слишком много дырок оставил на нем Карло Дибиаси.

Клаус занял на трамплине восьмое место из восьми. Прыгай в финале двенадцать человек, он был бы двенадцатым. Клаус поздравил победителя — маленького, похожего на ловкую обезьянку капитана ВВС США Фила Боггса. Потряс руку бронзовому призеру — нашему Саше Косенкову и, прихрамывая, отправился в раздевалку.

Я отлично понимал, что Дибиаси не до расспросов. Но вопрос вырвался как-то сам собой: «Будете прыгать с десятиметровой вышки?»

— Вряд ли, — ответил Клаус и поплелся дальше.

Каюсь. Первым делом я вспомнил о Давиде Амбарцумяне. Шансов подняться на пьедестал у моего приятеля явно прибавилось. А потом надолго задумался о судьбе Спортсмена. Даже не Дибиаси — просто Спортсмена, колесящего по миру в поисках борьбы, побед и золотых олимпийских медалей. Его вечные спутники — утомительные тренировки, колоссальные физические нагрузки, опасения «не-дай-бог-чего-бы-не-случилось». Так продолжается месяцы, годы...

И вдруг все оказалось бессильным перед случаем...

Травма жирной чертой перечеркнула титанические усилия семейства Дибиаси. А ведь Клаус собирался уходить еще в 72-м, после Мюнхенской олимпиады. В спорте его удерживало лишь одно — мечта о новеньком золотом кружочке с пятью кольцами. Четыре года насмарку из-за неосторожного толчка в спину. До чего ж ты хрупка, спортивная судьба!

Истина «с возрастом мы становимся мудрее» становится прописной только после того, как какое-то событие остается далеко позади и мы трезво оцениваем его своим крепким задним умом.

Выяснилось, что шкуру непроигравшего чемпиона делить было рановато. Сейчас-то я понимаю, что для спортсмена класса Дибиаси было бы позором сдаться без борьбы, без боя, без славы. Но в отличие от олимпийского ветерана Дибиаси я никогда не бывал на Олимпиадах. Игры-76 — первые в моей журналистской практике. Поэтому каждый монреальский день был для меня Днем больших олимпийских открытий.

Я видел, как бездарно проиграл прыжки в воду золотой фаворит американец Дуайт Стоунз. С удовольствием наблюдал за третьим спортивным подвигом полностью сброшенного со счета Виктора Санеева. Удивлялся и радовался победе почти никому, кроме своего папы, не известной Елены Вайцеховской в прыжках с десятиметровой вышки. Преподнес сюрприз и Дибиаси.

Восемь прыгунов, словно готовые броситься врукопашную гладиаторы, выстроились на бортике бассейна. Тяжело ступая на травмированную ногу, Дибиаси приблизился к краю десятиметровой вышки, тряхнул головой в мелких завитушках, глубоко вздохнул и... Его первая попытка вызвала бурю аплодисментов. Завершилась обязательная программа, и даже никогда до этого не видевшие прыжков поняли: чемпион — Дибиаси.

Каскад сальто и «винтов», четкий, без единого фонтанчика брызг вход в воду — все это заставляло забывать, что прыгает Дибиаси с высоты трехэтажного дома и его полет над жесткой и капризной водой длится всего-то около двух секунд. Но сколько невидимого миру пота пролито, чтобы этот полет был действительно прекрасным.

Не соревнуйся в финале еще семеро парней, я бы назвал этот вечер бенефисом Дибиаси. Так была ли травма?

Была, и очень серьезная. Дибиаси рассказывал, что врачи замораживали ногу. Боль — постоянная, ноющая — оставалась. И он, сжав кулаки, глушил ее

▼

Ну конечно, тебя преследуют травмы — это жизнь. И вечно «потянут ахилл», или порваны связки на толчковой ноге, или только что перенес операцию мениска — и опять... Но все можно стерпеть, когда тебя ждут в Лужниках сорок тысяч или двадцать на «Динамо».

На футбол мы проходили без билетов. Нас ловили дружинники и вели в дежурную комнату милиции (не помню, под какой она трибуной). Что потом было — в школе и дома! Какие скандалы... Но мы по-прежнему «болели» за «Спартак», и на все его игры прорывались рискуя... Капитан команды Хусаинов жил от нашего двора недалеко, но вряд ли знал об этом. Но мы-то точно знали! И после каждой игры «Спартака» летели на метро и на трамвае в сторону его дома. И ждали капитана на углу, у киоска «Мороженое». Он выходил из белой «Волги», гладкие черные волосы были еще мокрыми после душа, Хусаинов, как всегда, доставал из кармана червонец и покупал торт-мороженое с кремовой розочкой в центре поля. Бабка в киоске безразлично считала сдачу... Жена поправляла прическу в машине. Неужели им было все равно? Он же капитан «Спартака»!

Много лет спустя я играл с бывшим капитаном Хусаино-

▶

мыслями о самом приятном на свете. Что имел в виду итальянец под этим «самым приятным», остается только догадываться. Победа над собой далась ему тяжелее, чем победа над соперниками. Прыгая с трехметрового трамплина, он вчистую проиграл эту схватку: думал о травме, о том, как расстроится отец, проклинал невезение. А на десятиметровой вышке сумел забыть обо всем, подавить все мысли, кроме одной. Вот и разгадка секрета Дибиаси.

Однако оставалась другая тайна. Как сумел Дибиаси провести целых четырнадцать лет на самых олимпийских пиках? Ведь у него случались и травмы, и обидные проигрыши. Например, на чемпионатах Италии Клауса частенько обыгрывал Франко Каньотто, все общение с которым сводилось к обоюдно холодному «буон джорно» по утрам. Еще в 1973 году, когда в моду постепенно начали входить сверхсложные акробатические прыжки, начали поговаривать, что стиль Дибиаси устарел. А он выигрывал один международный турнир за другим.

Итак, после победного прыжка в Монреале Дибиаси уехал в Италию и, как мне показалось, навсегда увез с собой секрет своего спортивного долголетия. Каково же было мое удивление, когда в августе 1977 года я увидел Клауса на бортике открытого софийского бассейна «Диана». Хотя чему тут было удивляться? Шла Всемирная студенческая универсиада, и где, как не рядом с итальянскими прыгунами, должен был находиться старший тренер национальной сборной Клаус Дибиаси? Папа Карло, устав от бесконечных забот, подал в отставку. И разве не естественно, что честь руководить командой была доверена его знаменитому сыну?

Человек, унаследовавший и продолжающий дело отца, уже одним этим отдает дань уважения своему родителю. Приблизительно то же самое сказал мне и Клаус:

— Если бы не папа Карло, я бы не то что до Монреаля, до Мюнхена не дотянул бы. Папу назначили тренером сборной в 1968 году. С тех пор на всех соревнованиях он не отходил от меня ни на шаг. С ним я чувствовал себя особенно свободно, раскованно. Мы с отцом договорились, что на состязаниях я прыгаю не для судей и публики, а для себя и него. Отец берег меня и, как бы это сказать на английском, не давил на психику.

— Что вы имеете в виду под словом «давил»?

— У каждого человека бывают в жизни неприятные минуты. Моральная усталость, неудовлетворенность собой, психологический надлом — это пострашнее травм. В такие моменты я брал лыжи, поднимался высоко в горы. Мне и тут повезло. Горы рядом с моим родным Больцано. Горные лыжи — это и тренировка, и чудесное развлечение. Бывали недели, иногда целые месяцы, когда я и близко не подходил к бассейну.

— А если вы неудачно выступали на соревнованиях? Неужели не возникало никаких осложнений?

— Отец хлопал меня по плечу и говорил, что проигрывать иногда даже полезно. Важно не показывать, что расстроился. У прыгунов, как у фигуристов, оценку дают и за артистичность. Так что терпи, улыбайся, и, возможно, ты снова завоюешь любовь фортуны.

Я рассказывал о монреальской схватке за эту любовь. Ну а сейчас Клауса ждут другие испытания. После ухода трехкратного олимпийского чемпиона внезапно выяснилось: итальянская школа прыжков в воду переживает серьезный кризис.

Дибиаси вовсю старается возродить былую славу. Уехал из Больцано и обосновался в Риме. Начал с того, что объехал всю страну в поисках талантливых мальчишек и девчонок...

Тем, кто будет заниматься у Дибиаси, повезло. Я часто бываю на состязаниях. Стоит спортсмену выполнить прыжок на «отлично», как со скамеечки участников слышится: «Прямо как Дибиаси».

В жизни Александра Медведя не было звездного часа: были звездные часы. Те самые, когда он становился олимпийским чемпионом, — три раза. Чемпионом мира — семь раз. Победителем европейского первенства — трижды. Представляете, сколько золота у одного-единственного человека из города Минска... Может, судьбой ему было назначено стать чемпионом? Нет, все-таки это фантастика: двенадцать лет быть королем борцовского ковра и никого не подпускать к самой высокой ступени пьедестала почета. Ведь не может человек просто родиться таким: атлетом тяжелого веса, мастером вольной борьбы (французской по-старинному). Но с другой стороны, невозможно трудом и только трудом добиваться в борьбе олимпийских побед. Необходим талант. Величайший природный дар...

И надо было так случиться, что этот дар обнаружился вдруг, как в сказке: в лесу, на Украине под Белой Церковью у сына лесника Василия Медведя. Браконьеры от Медведя убегали в панике всегда — силен он был необычайно и характер имел суровый, может, даже угрюмый характер. Старший сын его, Сашка, не пошел натурой в отца, зато физическую силу перенял и удивлялся ей как-то по-детски. Дрова колол играя, воду таскал из колодца без устали, траву косил с удовольствием. Но больше всего любил бороться с младшими братьями и соседскими пацанами. Отец радовался.

И эта радость — наблюдать мужские игры сына — была одной из немногих в жизни Василия, ибо жили, прямо скажем, не очень весело. Это ведь было после войны, и мало кто имел тогда достаток... Но от жизни такой не стал Александр угрюмее — добрее стал. И когда отец слег с больными ногами, получил инвалидность, за старшего, как всегда это было в России, остался в семье Саша. За отца, стало быть. Хозяином. Как вы думаете, что он делал в те годы — мечтал об олимпийском золоте? Хотел поехать на Олимпиаду?.. Никогда он не думал об этом. Он поехал на завод и устроился там на работу. А по вечерам ходил учиться в школу рабочей молодежи. И однажды вы увидели по телевизору в передаче из Мюнхена, с Олимпийских игр 1972 года, как он вышел на ковер против Криса Тейлора (США). (А где еще могли они встретиться, кроме ковра? Ведь Тейлор никогда не жил в лесах под Белой Церковью.) Тейлор весил ровно 200 килограммов, и в Америке просто не было и быть не могло равного ему вольника в этом весе. И рост у него два метра. И когда борцы пожали друг другу руки, в зале раздался смех дилетантов: Александр был легче в два раза и ростом ниже. Американец, считали они, мог его запросто раздавить.

...А еще Медведь любил картошку печь в углях. Вообще, костры с самого детства любил. Чай они с отцом кипятили обычно на огне, чтобы с дымом был чай, смородинный. Чайник весь закопченный.

Тейлор голову опустил и пошел вперед как бык. Нет, он не был обычной горой на ногах, глыбой мышц. Для своих размеров Крис двигался довольно резко и координированно. Два периода Медведь не мог его с места сдвинуть, а Тейлору никак не удавалось поймать маленького противника, взять свой захват. В зале смеялись, а тренерам было не до смеха — никто не набирал победных баллов.

...В вечерней школе занятия — четыре вечера в неделю. Остальные вечера свободны. И Саша записался в секцию борьбы. И боролся он тоже с удовольствием. Жаль, соперников, равных по силе, не нашел он себе в той секции... А потом пришел неизбежный и важный для каждого мужчины призывной возраст. Служить Александру пришлось в Белоруссии. И здесь ему повезло: непосредственный командир оказался спортсменом, борцом тяжелого веса. И рядовой Медведь стал его спарринг-партнером. Выступал за свою часть на первенстве округа...

И прямо со службы командировали рядового Медведя на первенство страны по вольной борьбе. Командир

ЗАПОВЕДИ ДЛЯ ЧЕМПИОНА

Владимир ГОЛУБЕВ,
мастер спорта

просил часть не опозорить. Медведь вернулся с турнира расстроенный: выиграл только бронзу. Командир был счастлив: он не знал, что Саша уже начал жить своим умом, по собственным законам, и третье призовое место для него — неудача.

После службы он остался в Минске.

...В третьем периоде Крис слегка устал, внимание ослабил. И Медведь поймал его за руку и провел переднюю подсечку в такт шагам. Два центнера упало на ковер. Возможно, вы видели по телевизору это падение гиганта. А если нет — представьте: Крис идет вперед, в атаку, а Медведь зашагивает в сторону, ставит правую ногу на пути противника и рукой продолжает его движение. Не мешает, а помогает Тейлору идти вперед — и споткнуться! Подсечка в такт шагам — прием несложный. Особенно для зрителей, сидящих на трибунах. Но как умудриться свалить подсечкой 200 килограммов? На это нужен величайший дар... А что было дальше? Судья поднял вверх большой палец — один балл за прием. Зал ревел от восторга. И Медведь, как на «бис», повторил подсечку. Два балла! Это была красивая победа тонкой техники и тактики над огромной природной силой. Победа над Тейлором открывала дорогу в финал, в конце которой маячила знакомая фигура болгарского тяжеловеса Османа Дуралиева. И с ним Медведю предстояло провести свой последний в жизни олимпийский бой. Самый последний...

Нам не понять его чувства и мысли сполна. Никому не понять, потому что про этого человека нельзя сказать: «Ты бы на его месте» или «я бы на его месте». Никто из нас там не был и не будет никогда. И надо быть напрочь лишенным честолюбия молодым человеком, чтобы не пожелать хоть на минуту подняться на одну из его вершин.

Что он вынес из долгой своей, необъятной спортивной жизни? Свою мораль и философию. Вот это нам понятно. Хотя, к сожалению, часто лишь теоретически. Главный жизненный принцип Александр усвоил еще в детстве от отца: всё можно познать только на собственном, личном опыте. Рассказы и случаи из чужой биографии еще никому не дали мужского характера.

Летом 1979 года мы встретились в Минске с заведующим межвузовской кафедрой спортивного совершенствования при Минском радиотехническом институте А. В. Медведем. И я задал наивный вопрос:

— Что дала вам борьба в жизни?

Он ответил:

— Я многое видел, многому научился у соперников или дошел своим умом. На ковре я жил по законам, которые сложились сами в душе и стали кодексом. И нарушать свои принципы я не мог, потому что знал: отступлю — проиграю... Вот они, мои законы.

И он назвал эти принципы, от которых старался не отходить.

Всегда уважать соперника. Уважать независимо от его спортивного класса, званий и титулов.

▼

вым в мини-футбол в спортзале МГУ. Мы даже были в одной команде. Я волновался, делал грубые ошибки: бил мимо пустых ворот. Хусаинов не кричал, но переживал так сильно, как будто дело было на «Уэмбли» в 1966 году. Тогда я понял, что из большого спорта люди не уходят, ибо это невозможно: взять — и просто так уйти, когда тебя отчислят из состава играющих сегодня команд.

Спорт так просто не отпустит. Он как первая любовь: вот уж, кажется, прошла, забылась. А увидишь ее — и сно-

▶

Был у меня случай. На Олимпиаде в Токио я встретился на ковре со шведом Эрикссоном. Думал: положу его в два счета. Но неожиданно сам попал в критическое положение и чуть не проиграл. После этого поединка поклялся никогда больше не относиться к сопернику с неуважением.

Не давать противнику даже малейшего повода думать, что ты его боишься.

На Олимпиаде в Мехико я боролся со знаменитым Вильфридом Дитрихом из ФРГ. Схватка была трудной. И вдруг я выбил на руке большой палец — он прямо выскочил из сустава. Тогда я на глазах у Дитриха сам себе вставил палец. В глазах потемнело от боли. Но Дитриха это просто убило — не ожидал он от меня такой воли. Понял он, что я и его не боюсь, олимпийского чемпиона. И проиграл...

Всегда верить в себя и в свою победу. Всегда идти вперед и только вперед.

В 1962 году на чемпионате мира я получил свою первую золотую медаль. Боролся азартно. Но вдруг травмировал ногу. А тут как раз поединок с асом ковра — иранцем Тахти. Я не стал темнить, а сразу пошел вперед. Судьи дали ничью. Я расстроился. Только потом, в раздевалке, узнал, что такой вариант меня устраивал. Но если бы я думал о ничьей, то обязательно проиграл бы. И тогда я решил: всегда буду думать только о победе!

Не завидовать другим, не искать причины своих неудач на стороне. Всегда надеяться только на себя самого.

Он назвал этот важный спортивный и жизненный принцип, и мы вспомнили вместе его последний олимпийский бой. Самый последний.

Это было в Мюнхене. Финал тяжеловесов: Александр Медведь — Осман Дуралиев. Изнурительный поединок. Сошлись борцы, которые уже много лет встречались на всех крупных международных турнирах. Болгарин Дуралиев поставил на карту все, ибо после Мюнхена он решил распрощаться со спортом. И хотел уйти красиво — отобрать наконец золотую медаль у своего извечного соперника. Но и Александр боролся в последний раз и тоже думал только о первом месте.

Сколько лет прошло, а эта встреча стоит у меня перед глазами! В ней не было эффектных бросков, особой динамики. Это была схватка нервов, чудовищная по внутреннему накалу. Осман бился как лев. (И это не литературный образ, а правда.) Намного тяжелее Медведя, он пытался подмять его под себя, перевести в партер. Обычно медлительный, болгарин вдруг преобразился, глаза его пылали, движения стали быстрыми...

В такие минуты зрители, естественно, не думают о том, как чувствует себя спортсмен: они же не в больницу пришли с передачей, а на стадион. И поэтому очень немногие знали в тот момент, что Медведь не в лучшей форме, что чувствует недомогание и держится из последних сил. Трибуны об этом вообще не догадывались: Александр никогда не показывал на людях свою слабость. Потому что, как вы знаете, с детства привык быть старшим, и на него смотрела вся семья. Как теперь — вся страна или даже полмира: телевизоры теперь есть у многих.

Но еще за год до Мюнхена врачи с беспокойством выслушивали его сердце — оно стало давать перебои. И давление подскочило. Сказывались жестокие перегрузки. Уставший организм требовал отдыха.

И Медведь позволил себе отдохнуть. Укатил в леса, на охоту. Бродил в тяжелых сапогах по болотам, стрелял уток... А думал только об одном: уйти или остаться? Он пугался мысли, что, возможно, и не попадет в третий раз на Олимпиаду, что найдется в стране борец моложе его и сильнее... На отдых и охоту оставалось еще два дня, но Александр вернулся в Минск до срока. И сразу поехал к старшему тренеру сборной страны Болеславу Михайловичу Рыбалко. Разговор был коротким: Медведь заявил, что на Олимпиаду он поедет. А если надо испытать его, пожалуйста, он готов к любым турнирам.

— Пожалуйста, — сказал Рыбалко. — Поедешь на чемпионат Европы.

Это было в апреле 1972 года. Понятно, что за несколько месяцев до Олимпиады не все лидеры рискнули приехать в Катовице: зачем, мол, раньше времени раскрывать карты? Болеслав Рыбалко думал иначе: пусть ребята испытают себя в бою, пусть проверят себя в турнире, где нужна только победа. Это закалит их волю.

Успех нашей сборной был велик: семь золотых медалей!

Сам Медведь провел пять поединков и все закончил досрочно. Он радовался, как ребенок. Я удивился: почему ему, семикратному чемпиону мира, так дорога европейская награда?

Медведь мне ответил: «Радуюсь тому, что снова выиграл у Османа Дуралиева. Уже десять лет мы с ним встречаемся, и ни разу он у меня не выигрывал. Правда, в Софии в прошлом году на чемпионате мира Дуралиев добился ничьей. Он завоевал серебряную медаль и решил, что теперь у него появилась надежда меня одолеть. И еще Осман, наверное, почувствовал, что Медведь уже не тот. Мне было грустно это сознавать. И поэтому здесь, в Катовице, встреча с Дуралиевым для меня была очень важна. Я обязан был показать ему прежнего Медведя. Мне надо было сломить его перед Олимпиадой психологически — я знал, что Осман будет самым серьезным конкурентом в Мюнхене».

Все это Медведь рассказывал, когда мы возвращались в автобусе в наш отель в Катовице по тихим и изящным улочкам старого города.

...И когда прозвучала сирена, Медведь, застигнутый в атаке, победно вскинул руки, и упал на колени, и поцеловал ковер. Судья пригласил борцов на середину и поднял руку чемпиона. Медведь плакал и не стеснялся слез. Это были счастливые слезы. В горе Саша плакать не привык. И никто никогда не видел слез в его глазах: ни отец, ни братья, ни соседи. В армии непосредственный командир не видел. И тренеры в Минске и в сборной. Хотя временами ему было больно до крика, до стона, когда вылетали суставы с хрустом и рвались сухожилия. Нет, борьба не такое жестокое ремесло, не бойтесь. Просто это мужское занятие, где всякое бывает, кроме слез. Ибо, как сказал поэт: «Плакать — дело, недостойное мужчин».

...А чемпион медаль разглядывал и плакал. Кто знает, может, это были слезы благодарности тому лесу, и дому в лесу, и утренней речке, и вечерним птицам, и черному хлебу на старом столе, еще дедом Медведя сколоченном. Стоял этот стол у них в избе всю жизнь с непокрытой головой. И никакое золото не отражалось никогда в его неполированной поверхности, кроме закатного, осеннего, российского. Стол как стол. Всегда готовый принять на грудь тяжелый самовар, банку с огурцами, миску с дичью — обед лесника... Так в чем же чудо? В том, что было это все не триста с лишним лет назад, а только тридцать. И что родился в этой избе и хлеб ел за этим столом не чемпион Александр Медведь, а сын лесника Василия Саша. И талант, ему данный, и талант его редкий в том, что пронес его Медведь через всю жизнь и не обронил. Не расплескал, как воду из колодца, в суете наших дней талант. Даже можно сказать, дар.

Гладкая дорога — это скатерть. На нее смотреть неинтересно. А еще дорога та, на которой каблуки сбиваются, ноги — в кровь, и мечта напоминает горизонт. Кто сказал, что дойти невозможно?..

Он обнял Дуралиева, судью. Он выглядел счастливым и растерянным. Он приветствовал зрителей, кланялся, прикладывая руку к сердцу. Он прощался с борьбой, с болельщиками.

Десятки фото- и кинокамер уставились в него объективами.

На пьедестале Александр целовал свою медаль. Третью золотую, олимпийскую. И улыбался, улыбался...

Я ОЛИМПИЙСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Игорь ФЕЙН

Мы знаем Олимпиаду Владимира Куца и Юрия Власова. Знаем Олимпиаду Валерия Борзова и Нади Команечи.

Олимпиады Ортера мы не знаем. Этот американский дискобол никогда, мне кажется, не носил такой неофициальный, но очень почетный титул — герой Олимпийских игр. И все же спортивный мир навсегда запомнит имя Альфреда Ортера. Молодежная газета ГДР «Юнге вельт» еще в начале лета 1979 года опубликовала список олимпиоников (так называли победителей Олимпиад, проходивших на земле Древней Эллады), которым удавалось выигрывать соревнования нескольких игр. И лидирует в этом списке Ортер. Четырежды выходил он на олимпийский старт и все четыре раза поднимался на высшую ступень пьедестала почета. (Также четыре золотые медали на счету датского яхтсмена Пауля Эльвестрема, но он выступал на пяти Олимпиадах.)

Последний раз дискобол победил в Мехико в 1968 году. И с тех пор о великом Ортере ничего не было слышно. В секторах для метания диска давно уже властвовали другие, мировой рекорд со времен его прощального золота значительно вырос. И вдруг об Ортере заговорили снова: будто он готовится к Олимпиаде-80 в Москве. Готовится к пятой победе?

Ортер заявил о своих намерениях, метнув на соревнованиях диск ровно на 67 метров и установив личный рекорд. Было ему в то время 43 года. И в этом возрасте он собрался в Москву не в качестве болельщика и тренера, а в самом для него привычном звании — спортсмена. Конечно, при современной системе подготовки можно и в пятьдесят лет сохранить отличную форму. Но как сохранить волю к победе и великую страсть к борьбе?

Давайте вспомним путь Альфреда Ортера. Он родился 19 сентября 1936 года. В 16 лет начал заниматься легкой атлетикой — метанием диска. Ко времени его первого старта на Олимпийских играх в Мельбурне ему было всего двадцать лет — возраст для метателя младенческий. Заняв второе место на предолимпийских отборочных состязаниях с высоким по тем временам результатом 52,27 метра, Ортер попал в «команду звезд», как тогда называли легкоатлетическую сборную США. Но специалисты посчитали такой результат случайностью и настаивали, чтобы выскочку вывели из состава команды: в Мельбурне в борьбе с опытными метателями ему вряд ли что-нибудь «светит». Но в США царит довольно жесткий, но вполне справедливый спортивный принцип: кто прошел отбор, тот и едет на Олимпиаду. Прежние заслуги в счет не идут, будь ты хоть трижды знаменитый. Не раз эта система оставляла за бортом выдающихся американских атлетов, не сумевших попасть в тройку призеров на чемпионатах страны. Но зато получали возможность заявить о себе молодые, малоизвестные спортсмены. Так впервые сказал свое слово Ортер, уступивший только рекордсмену мира Форчуну Гордиену.

Гордиен был фаворитом Олимпиады-56. От Альфреда же многого не ждали. Ведь, кроме успеха на тех отборочных соревнованиях в Лос-Анджелесе, у него не было побед: наоборот, юный Ортер проигрывал все, что только можно было проиграть — от рядовых университетских первенств до чемпионата США. Зато в Австралии одной первой попытки новичка хватило для победы над всеми соперниками — 56,36. Конкуренты, в том числе и Гордиен, сникли.

Я специально в этом рассказе о великом дискоболе буду приводить немало цифр: они много скажут о том, кто такой Альфред Ортер.

Посмотрите: в Мельбурне он улучшил личный рекорд на четыре метра. Улучшил именно на Олимпиаде, хотя до этого не входил в число претендентов. Претендентами были другие. Но эти другие свои прежние результаты не сумели даже повторить. А Ортер улучшил. И это тоже его характерная черта. Потом он ушел из спорта на четыре года. И это тоже была его черта, его странность. Конечно, со временем любители легкой атлетики привыкли к его характеру...

В 1958 году Ортер несколько оживился и даже дваж-

▼

ва... Поверишь сердцем, что не уходил, не расставались столько лет назад!

...И опять испытаешь святую усталость после двухчасовой тренировки. И выйдешь из душа, и сумку возьмешь в раздевалке, забросишь небрежно ее на плечо. И пойдешь по улице, блаженно улыбаясь осеннему вечеру. (А может, зимнему уже или летнему. Неважно: тренировки — круглый год.)

А утром испытаешь, как обычно после большого перерыва, боль во всем теле.

▶

ды послал диск за 60 метров. Он первый в мире послал снаряд за дальнюю отметку «60». Остальные атлеты тогда лишь мечтали об этом. Альфред опередил свое время.

К сожалению, из-за мельчайших нарушений правил (диск Ортера оказался на какие-то граммы легче положенного) его результат 61,63, показанный 2 апреля 1958 года, не был засчитан. Но Ортер не расстроился. Он понял, что готов к Олимпиаде. А в Риме будет в пике формы. И поэтому вновь ушел с арены: в 1959 году появился на старте всего пять раз. Да и то соревновался в основном с юношами.

Но пока Ортер отдыхал, другие крушили рекорд за рекордом. И в Рим Альфред приехал совсем не фаворитом. Повторялась история Мельбурна. Лидерами были рекордсмены мира — соотечественник Ортера Ринк Бабка и поляк Эдмунд Пионтковский. И когда начались финальные соревнования дискоболов, все шло так, как предполагали многочисленные специалисты, — лидировали те, кому положено. Но только до четвертой попытки, в которой Ортер установил личный и олимпийский рекорд — 59,18. Да, да, снова личный. И именно на Олимпиаде. Оба мировых рекордсмена остались позади. А Ортер, посмеиваясь, сошел с пьедестала, легкомысленно помахивая второй своей золотой медалью на атласной красивой ленте. Подошел к Ринку Бабке, обнял его, поцеловал и сказал: «Не расстраивайся. На Олимпиадах у меня выиграть нельзя. Но ведь мировой рекорд все равно пока твой».

В молодости Ортер любил делать такие заявления. Любил изображать стопроцентного американца. Ведь он знал, что эти слова на следующий день разнесутся по всему миру — на страницах спортивных газет и журналов. (Мы еще вспомним Мельбурн, когда одной фразой юный Ортер сразил журналистов...)

После Рима Альфред опять ушел в тень. Победа на Олимпиаде не удивила его и не заставила менять ритм жизни, методы тренировок. Еще раз непосредственно перед играми в Риме он метнул диск за 60 метров, и вновь это достижение не было засчитано. Однако оно показало, что Ортер находится в отличной форме. Поэтому победный результат оказался для него самого давно пройденным рубежом. Так что целый год после игр Ортер просто отдыхал, в соревнованиях, что называется, отмечался (иначе и не назовешь его итоговый за 1961 год показатель — 58,05), завершил учебу в Почтовом колледже в пригороде Нью-Йорка. Однако не стал работать по специальности, а принял предложение дирекции позаниматься с молодыми легкоатлетами своего колледжа. Королеву спорта здесь любили, небольшой уютный стадиончик всегда был полон.

Альфред с удовольствием принял предложение своих недавних педагогов. Целыми днями пропадал двукратный олимпийский чемпион на стадионе, всегда был окружен студентами и студентками. И они любили его, своего учителя — такого сильного, остроумного, добродушного. Среди этих учеников Альфред нашел жену. Она родила ему дочь. Так постепенно Ортер превращался в степенного, солидного преподавателя, отца семейства. Но диск не забывал. Занимался спортом в свое удовольствие и в 1962 году предпринял атаку на рекорды. И трижды добился своего: попал в список мировых рекордсменов.

Однако в Токио, на Олимпиаду-64, приехал уже в привычной роли «темной лошадки» — приехал экс-рекордсменом. Прогрессировал тогда молодой чех Людек Данек. Его и считали единственным и явным фаворитом.

На этот раз положение 27-летнего Ортера значительно осложнялось. Последний его мировой рекорд едва не заставил Альфреда вообще распрощаться с легкой атлетикой. Он повредил мышцы шеи и спины, на несколько месяцев прекратил выступления, лечился, занимался гимнастикой. Врачи строго-настрого приказали ему соблюдать покой. Да он и сам чувствовал, что каждое резкое движение вызывает острую, жгучую боль. Жена соорудила для него специальный корсет-воротник. В нем Ортер не мог пошевелить головой: чтобы оглянуться или просто посмотреть в сторону, ему приходилось поворачиваться всем корпусом, как большому волку. Однако он продолжал тренироваться и попал в сборную США, выполнив на отборочных соревнованиях всего одну-единственную попытку. Ее хватило для получения билета в Токио.

Но когда Ортер появился на олимпийском стадионе и заполненные трибуны встретили его овацией, он понял, что это были аплодисменты соболезнования и благодарности за прошлые эффектные победы. Ни один из зрителей, ни один из соперников не верил в то, что сильно травмированный, больной, на долгое время оторванный от спорта Ортер сумеет не то что выиграть, но хотя бы выполнить квалификационный норматив: Альфред вышел в круг для метаний в тугом корсете. Та единственная попытка на отборочных стартах дорого обошлась ему: боль скрутила так, что казалось, пошевелиться невозможно. Врачи упрекали за легкомыслие, вспоминали свои предупреждения, но все же пошли навстречу (вернее, Ортер их заставил) и сконструировали корсет, позволяющий метать.

Трудно сказать сейчас, была ли в те годы у дискоболов своеобразная «боязнь Ортера». Ни один из них, конечно, в этом никогда ни признается. Но я знаю немало подобных примеров, когда спортсмены, отлично готовые к борьбе, настроенные на победу, уступали даже плохо подготовленному сопернику, которому проигрывали прежде.

Заслуженный мастер спорта, олимпийский призер в тройном прыжке Олег Федосеев рассказывал однажды, как выбило из колеи всех фаворитов Токийской олимпиады появление в секторе поляка Юзефа Шмидта, еще недавно лежавшего в больничной палате. В 60-е годы Шмидт на голову превосходил всех «тройников», он первым улетел за отметку 17 метров, он легко побеждал любых конкурентов. И вот в Токио даже перед травмированным в автокатастрофе Шмидтом фавориты спасовали.

Нечто подобное происходило в те годы и в кругу метателей диска. Конечно, Данек или, скажем, Лотар Мильде из ГДР чувствовали, что они сильнее больного Ортера. Но в то же время они помнили его фразу, произнесенную в Риме. Знали, как закончилась борьба на двух предыдущих Олимпиадах. Знали, что на его счету уже были теперь и мировые рекорды, хотя раньше он выигрывал и без них. И еще он любил бороться как раз с мировыми рекордсменами: за два года до игр в Токио он спокойно побеждал Данека. Так что если спортивный, вернее, чисто физический перевес был на стороне чехословацкого дискобола, то психологически он уступал Ортеру. Альфред не ждал от себя ничего сверхъестественного, а Данек должен был еще доказать, что его рекорды не случайность.

И он доказывал это до пятой попытки финала. Но здесь Ортер вновь (уже традиционно) установил олимпийское достижение. Причем он не видел, какой результат показали судьи: от дикой боли у него потемнело в глазах, Ортер закричал и упал.

Бросок на 61 метр — третья золотая медаль.

«Если меня не будут преследовать травмы, — сказал Ортер после церемонии награждения, на которую тоже пришел в корсете и бандажах, — я попытаюсь попасть в Мехико. А когда я еду на Олимпиаду, то борюсь только за золотую медаль...»

Вновь атлет год после игр отдыхает, вообще не выступает в соревнованиях. Прибавилось работы в фирме «Грамэн эркрафт», куда он перешел из колледжа. Родилась вторая дочь. Семье в то время Альфред уделяет основное внимание. Продолжает основательно лечиться: ездит по Америке в поисках лучших специалистов. Но те твердят одно: отдых, полный отдых, никакого спорта. А мировой рекорд уже подбирается к отметке 70 метров. Альфред махнул рукой на врачей и стал выхаживать себя сам, как больной волк. Помогала жена. Настроение поднимали дочки.

К Олимпиаде в Мехико Ортер более или менее восстановился. Попал в команду, послал диск за 63 метра. Конечно, до мирового рекорда — «дистанция огромного размера», но это Ортера уже не могло остановить или даже смутить. Пусть его называли «спортсменом одного часа». Он мог проиграть какой угодно турнир, показать какой угодно, самый низкий результат. Но к Олимпиаде всегда был хорош. Соотечественник Альфреда Джей Сильвестр, установивший незадолго до XIX Олимпийских игр мировой рекорд, сокрушался: «Зачем я это сделал? Ведь я собирался выиграть Олимпиаду. Но теперь все потеряно. Все рекордсмены мира проигрывают Ортеру на играх. Боюсь, что и я не стану исключением».

Трудно сказать, было ли это заявление достаточно серьезным и искренним. Но важно одно: Сильвестр фактически заранее уступал Ортеру пальму первенства. Вот она, «боязнь Ортера». Психологический перевес на стороне 32-летнего, еще недавно совершенно больного человека. Мировой рекорд Сильвестра на пять метров превосходил личное достижение Альфреда, однако в Мехико вновь победил Ортер, а рекордсмен мира остался лишь пятым.

Ортер рассказывал потом, что ему так и не удалось до конца справиться с травмами, появились признаки радикулита — «профессиональной» болезни метателей. Однако он нашел своеобразный выход из положения. Ему никогда не везло на погодные условия. Известно, что диск лучше всего летит в сухую теплую погоду при сильном встречном ветре. Но даже в рекордных попытках ветер не хотел помогать Ортеру. Поэтому перед Мехико Альфред тренировался прямотаки в жутких погодных условиях: в дождь, в жару, при полном штиле, в буран, даже в пургу. «Я всегда приучал себя к трудностям. Да и природа постаралась, чтобы этих трудностей мне хватило. На тренировках я воображал, что сейчас олимпийский старт, что осталась одна попытка, а я только восьмой... Именно тогда диск летит далеко».

И в Мехико это умение пригодилось. Шел дождь, ветер был такой, что соревнования дискоболов даже отложили. В третьей попытке Ортер послал снаряд на 64,78 метра — вновь личный и олимпийский рекорд. Сильвестр, привыкший тренироваться в идеальных условиях Солт-Лейк-Тахо, провалился. Итальянская «Гадзетта делло спорт» писала: «Почему-то так получается, что Ортер показывает лучший результат в нужный момент. Остальные к этому просто не приучены...»

— Наверное, все дело в том, что я олимпийский человек, — улыбался Ортер. — Я просто не могу без Олимпиад. Во время игр у меня сердце стучит чаще. Конечно, судьба была ко мне благосклонна, но кое-что зависело и от меня...

Это биение сердца заставило Ортера все же отказаться от дальнейшей спортивной карьеры. Он понимал, что ему не к лицу выходить на олимпийский стадион в роли рядового участника. Поэтому, приняв участие в нескольких заурядных соревнованиях, в 1969 году он резко завершил спортивную карьеру. И даже отказался от приглашения МОК приехать на Олимпиаду в Мюнхен в качестве почетного гостя. «Нужно уметь уходить красиво, — говорил Альфред. — А если поеду в Мюнхен, то могу не утерпеть и начну готовиться к Монреалю. Лучше раз и навсегда забыть обо всем».

...Взрывом в полной тишине прозвучало осенью 1977 года сообщение американского информационного агентства ЮПИ о том, что 41-летний Альфред Ортер отметил свой день рождения и день возвращения в большой спорт броском на 62,52 метра. Корреспондент передавал слова великого атлета:

— Даже если я просто попаду на Олимпиаду в Москву, то счастливей меня человека не будет. Но благородный девиз барона Кубертена «Главное не победа, а участие» не для меня. Я еду побеждать.

Двадцать лет назад, когда журналисты впервые окружили в Мельбурне юного чемпиона, он шутя ответил на избитый вопрос о планах на будущее: «Завоевать пять золотых олимпийских медалей...»

Ну вот — четыре у него уже есть. А в Москву он приедет за пятой. Получит или нет? Посмотреть, я думаю, стóит.

▼

Странно было бы родиться человеком, жизнь прожить и не узнать, как прекрасно болят от нагрузки мышцы. Как рвется ленточка на финише, как пружинит тартан под кроссовками, как свистит летящее ядро, как бьется мяч о перекладину, капает с весел вода, как горят на коленях ссадины... Да как же можно не пытаться (хотя бы во сне или в детстве) попасть в этот мир — к олимпийцам?

...Ну вот и все. И пробил час Москвы: пришла ее пора встречать Олимпиаду.

А. Ш.

ВИНОВАТА ЛИ ЭТНА?

В течение 14 дней экскурсоводы двух частных туристских агентств бастовали, отказываясь сопровождать туристов на Этну. «Никому неохота разгуливать по пороховому погребу», — говорили они. Вообще, у Этны неплохой характер, и местные жители любовно называют ее своим «добрым великаном», но тут явно готовилось извержение. О нем заранее предупреждали, и поэтому ни для кого не был неожиданным тот час, когда гора проснулась, открыла все пять своих жерл, выпустила столб пламени в небо и поток лавы на поля... Ни для кого, кроме девяти погибших под камнепадом и двадцати трех раненых... Экскурсоводы беспокоились не зря, но на пятнадцатый день забастовки агентства подсчитали убытки и так подняли ежедневную плату своим сотрудникам, что те рискнули повести туристов на Этну обычным маршрутом, ставшим роковым...

ЗАМОК НА ОДИН ДЕНЬ

Несколько десятков людей, вооруженных лопатами, скребками, ведрами, строят на пляже Фон Дельмар в Калифорнии старинную крепость. Проходит всего несколько часов, и на глазах у изумленных зрителей появляется целый средневековый город: неприступные стены бастионов, остроконечные шпили церквей, приземистые амбары, лавки, кривые узкие улочки... Это не подготовка к съемкам фильма о путешествиях Гулливера и не филиал Диснейленда. Люди строят просто ради удовольствия. Все они — члены клуба «Любителей песочных замков», а по профессии — архитекторы и дизайнеры. Каждую субботу на пляже вырастает точная копия какого-нибудь известного замка. На постройку уходит всего один день — ровно столько, сколько нужно ветру, чтобы его разрушить...

Дядя Ваня

Соня

ВОЛШЕБНАЯ СИЛА ИСКУССТВА

«С дальней речки примчится ветер, за собою потянет в полет... Взрослый встретит его спиною, мальчик с ним улетит вперед...» К Лизе Коуэн (на фотографии — вверху слева), которая написала эти строки, и ее друзьям действительно прилетел «волшебный ветер». Он унес их вперед, «состарил» на два-три десятилетия, открыв мысли, настроения и сложные переживания взрослых. Иначе как объяснить, что 12—13-летние мальчики и девочки (которые к тому же ни разу ни выезжали из Нью-Йорка) сами решили поставить и сыграть чеховского «Дядю Ваню»... и более того — справились, сыграли, заставив зрителей позабыть, что на сцене дети.

Доктор Астров

Елена

В КРАЮ САМЫХ БЫСТРЫХ ЛЯГУШЕК...

Недавно американский инженер Винс Лючиани опубликовал книгу «Необычные состязания в Америке». На 95 страницах описываются соревнования по плевкам в длину табачной жвачкой, ловле брошенной виноградины открытым ртом, бегу на короткие дистанции среди лягушек, крабов и одноногих мужчин... По утверждению автора и многих его сторонников, такие соревнования «уходят корнями в историю и отражают экономическую специфику породившего их района страны». Однако этнографы находят более прозаическое объяснение: «сумасшедшие» состязания привлекают туристов, ну а рекламные фирмы никогда не скупились на приманку.

АТТИЛА В ГОРОДЕ БРАТСКОЙ ЛЮБВИ

Место действия — город Филадельфия, где 204 года тому назад была провозглашена Декларация независимости — первая декларация прав человека. В суде слушается дело: полицейский застрелил нарушителя правил уличного движения. Оружие было применено уже после того, как на задержанного надели наручники и ударом дубинки свалили на землю. Суд вынес решение — не виновен... Юридический казус, печальное исключение? Да, только в том смысле, что дело дошло до суда... За последние семь лет в Филадельфии при задержании убито 150 человек. Ежегодно от арестованных поступает 1100 жалоб на беззаконные действия полицейских, и ни одна из них, как правило, не доходит до суда. А если и доходит, то заключение всегда бывает одно и то же: оправдать. Ведь полицейский террор в городе «братской любви» (так переводится с греческого слово «филадельфия») поддерживает и одобряет сам мэр Филадельфии Фрэнк Риззо, который еще в бытность свою полицейским комиссаром называл себя самым строгим полицейским Америки. Во время избирательной кампании Риззо обещал своим сторонникам действовать по отношению к «нарушителям порядка» так жестко и непреклонно, что «сам Аттила, царь гуннов, по сравнению со мной покажется агнцем». Мэр сдержал обещание: он беспощадно подавляет расовые выступления в негритянском гетто Филадельфии, расправляется с борцами за гражданские права и всегда готов отстоять права «стражей порядка».

И все же после того, как весь мир обошли фотографии, одну из которых вы видите здесь, министр юстиции США приказал провести расследование деятельности полиции в Филадельфии. Но Аттила воспринял это решение спокойно: «Нам нечего бояться. Мы защищаем порядок...»

СЕКРЕТ ФАМИЛЬНОГО ЗОЛОТА...

В истории конькобежного спорта никогда еще не было такого быстрого чемпиона, как американец Эрик Хейден. И ни у одного чемпиона не было такой сестры, как у Эрика. Хейдены за последние годы собрали почти все золотые медали на крупнейших мужских и женских соревнованиях. Секрет небывалого семейного успеха прост: великолепные природные данные и неизменная готовность работать, работать и работать. Зимой и летом... Когда наступают долгие месяцы «сухих» тренировок, брат с сестрой бегают кроссы, катаются на роликовых коньках, поднимают тяжести. Тренер Диана Холам говорит: «Бет и Эрик всегда тренируются с такой радостью, что, похоже, усталости для них просто не существует».

VIVA ВЕРДИ!

В полном молчании собираются оркестранты на площадь Ла Скала, кто пешком, кто в карете. Все во фраках, многие плачут. Оркестр играет негромко, деликатно: Милан прощается со своим композитором.

Перед нами одна из самых волнующих сцен многосерийного телевизионного фильма «Джузеппе Верди» (режиссер — Ренато Кастеллани). 150 актеров и 1500 статистов воссоздают в современном Милане (движение в центре остановлено, приметы нового времени тщательно скрыты) 80 лет жизни Верди — великую для итальянского народа эпоху национального объединения. Фильм — результат совместного творчества кинематографистов Италии, Франции, Англии, ФРГ и Советского Союза.

О МУЗЫКЕ — И НЕ ТОЛЬКО

САМАЯ ИЗВЕСТНАЯ ИЗ НЕИЗВЕСТНЫХ ГРУПП

Джон ПАРЕЛЕС,
американский журналист

Рик Дэвис слоняется по магазину грампластинок, принюхивается, поклевывает своим птичьим носом списки бестселлеров, ухмыляется. Когда из динамиков вырываются звуки «Завтрака в Америке» — последнего «хита» группы «Супертрэмп», Рик хмурится и спешит к выходу. «Ты что, испугался, что тебя узнают?» — спрашиваю я Рика, пианиста, певца и одного из основателей группы. «Да нет, кто нас узнает? Просто осточертела мне эта пластинка».

Час до концерта. Рик сидит в раздевалке, играет в шашки с певцом Роджером Ходгсоном. Саксофонист Джон Энтони Хеливел зачитывает вслух результаты недельного хит-парада. Аудитория — участники ансамбля, их жены, группка приблудных поклонников — с почтением внимает. «Англия: «Супертрэмп» — первое место, Голландия: первое место, Франция: первое место, Австралия: первое место». Когда Джон Энтони добирается до США, где результат тот же, на лицах слушателей вежливое внимание, маскирующее скуку. Джон Энтони вздыхает, присоединяется к игрокам.

Я иду вслед за бас-гитаристом Дуги Томсоном в зал. Там уже собралась публика. Дуги бродит по залу, никто не обращает на него внимания. «Слушай, тебе очень неприятно, что они тебя не узнают?» — гну я свою линию. «Как это — неприятно? Да это счастье великое! А то прощай свобода».

Без особых усилий со стороны прессы, без яркого «имиджа» — «Супертрэмп» даже гордятся тем, что у них нет «имиджа» — они тихо-тихо добрели до высших мест в таблицах популярности, стали одной из самых почитаемых рок-групп. Шума-скандалов не устраивали, репортеров не колотили, не судились, не разводились, всего лишь играли то, что они именуют «роком мудрым и простым». Это тот самый редкий случай, когда группа добивается успеха благодаря своей музыке: их сценическое поведение весьма скромно, они просто играют и просто поют песни, написанные в основном Дэвисом и Ходгсоном. Роли здесь разделены четко: Дэвис — пессимист, Ходгсон — оптимист; Дэвис поет о несчастной любви и о нервных срывах, Ходгсон — о мечтах и невинности. И все это настолько умело дозировано, что Ходгсон говорит: «Я согласен с некоторыми критиками, утверждающими, что у нас все слишком гладко, отполировано. Когда вы все слишком хорошо отрабатываете, вещь теряет человечность и наивность. И все же мы стремимся к максимуму».

Музыку «Супертрэмп» часто сравнивают с музыкой групп «Йес» и «Генезис», они напоминают и «Битлз» времен «Эбби роуд». Короче говоря, это все тот же рок, что был и пять и десять лет назад. Много нового не родил рок в последние годы, ничего нового нет и у «Супертрэмп». Конечно, у них есть свои преимущества: прекрасный вокал Дэвиса и Ходгсона, мощные ударные Боба Бенберга и все остальное, что описывать, впрочем, бессмысленно, потому что зачем топтание на месте описывать?

Штаб-квартира группы — в Лондоне, и фирма, в которой они записываются, — британское отделение «Эй-энд-Эм Рекордз». Для репетиций фирма предоставляет им небольшой деревенский дом в Сомерсете. В это время музыканты не получают ни гроша — фирма платит за аренду дома из их заработков. И вообще, им лишь недавно удалось разделаться с долгами за инструменты и оборудование. «Вот в чем преимущество «первого места», — говорит Дэвис. — Нам теперь больше платят за выступления».

Перевела с английского
Н. НЕСТЕРОВА

Под этой рубрикой мы продолжаем публикацию материалов для дискотек, начатую в № 9 за 1979 г.

ВТОРОЙ ВАРИАНТ

„Есть всего лишь два варианта. Первый: ты следуешь тому, что уже принесло тебе успех когда-то. И тебя упрекают в том, что ты не меняешься. Но если ты стремишься к переменам, тебя бранят за то, что ты стремишься к переменам. Но не меняться — скучно, а искать новое — интересно. Поэтому я предпочитаю, чтобы меня ругали за второе».

Эти слова принадлежат известной американской (точнее — канадской, поскольку она родилась и выросла в Канаде, так что, может, лучше бы ее назвать североамериканской?) певице (и опять следует сделать уточнение: таких, как она, называют «singer-songwriter» — «певец-композитор-поэт», и в случае с Джони Митчелл затруднительно что-либо поставить первым в этой последовательности). А сказала она эти слова сразу после выхода летом 1979 года своего нового альбома, посвященного памяти знаменитого джазмена Чарльза Мингуса.

Но начнем по порядку. Джони Митчелл родилась в Ванкувере в патриархальной семье мелкого бизнесмена. «Если есть у меня цензоры, то это мама с папой. Когда я пишу песню, даю интервью, я все время думаю: а как им это понравится? Я помню такой случай: я уже была довольно известна, жила в Нью-Йорке. А дома, в Канаде, соседка как-то спросила у мамы обо мне. Мама ответила: «Дочь стала музыкантшей». И соседка покачала головой: «Ох, бедная вы моя!»

Джони Митчелл запела впервые для публики в десять лет — она тогда лежала в больнице с полиомиелитом. «Я думала, что больше никогда не встану. И вот наступает Новый год, а мы лежим, прикованные к кроватям. И я запела. Тогда я поняла, что это такое — петь для людей».

«В колледже нас учили только тому, **что** думать, а не **как** думать». Наверное, поэтому училась плохо. Но уже тогда она писала стихи, много и успешно рисовала. Родители думали, что Джони станет художницей. Но после окончания колледжа она уехала в Торонто, вышла замуж за певца Чака Митчелла и начала вместе с ним петь народные песни. Это продолжалось недолго. «Я не могла петь то, что написали другие. Мне казалось, что это нечестно — петь чужие слова. И я начала петь свои стихи. Я стремилась быть предельно искренней. Мои стихи были тем, что называют «исповедальной лирикой». Это был не фолк, и это был не рок в чистом смысле этого слова». Героиня ее песен — девушка из маленького провинциального городка, наивная и целомудренная, в сумятице огромного мира не растерявшая своей нравственной чистоты и доверия к людям. Ее песни имели успех, но весьма ограниченный, в ограниченной аудитории. Потом Джони переезжает в США, знакомится с Дэвидом Кросби из группы «Кросби, Стиллз, Нэш и Янг». Для Джони начинается совсем новый этап. «До того мои песни были все еще воспоминанием детства, в них много было от детских сказок. Но наступала эра Вудстока, эра борьбы против агрессии во Вьетнаме. Это было время горьких и справедливых песен». Героиня песен Митчелл взрослеет вместе с певицей. «Любовь, добро, справедливость не могут сосуществовать рядом с насилием и смертью. Когда от руки твоего любимого гибнут в далеком Вьетнаме дети, гибнет и твоя любовь». Джони сравнивали с Филом Оксом, с Бобом Диланом, но она все-таки была немного в стороне, даже когда пела с «Кросби, Стиллз, Нэш и Янг»; она стремилась вырваться из-под их влияния, оставаться самой собой.

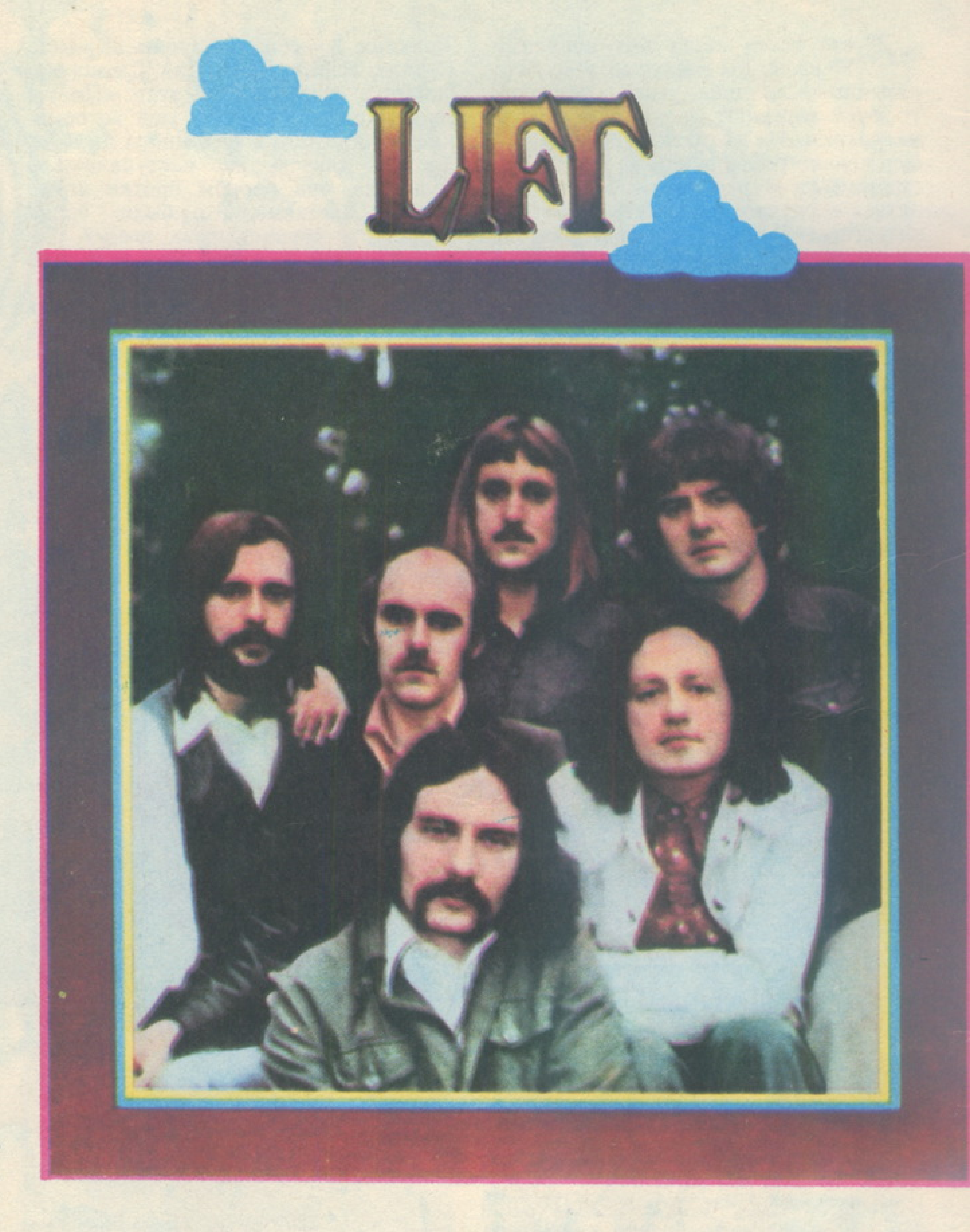
Поколение музыкантов, к которым принадлежит Джони, постепенно растворялось. Они старели, от них уходили слушатели, «Кросби, Стиллз, Нэш и Янг» то распадались, то снова сходились. Джони шла дальше. Ее новые альбомы — «Court and Spark», «Hissing of the Summer Lawns» — были приняты очень тепло слушателями и недоверчиво критикой. Слишком разительным был переход от «исповедальной лирики» к зрелой, «вполне мужской» поэзии.

Работу Джони заметил знаменитый джазовый музыкант Чарльз Мингус. Уже тогда он был смертельно болен, знал об этом. Он предложил Джони работать вместе с ним над стихами Томаса Элиота: он напишет музыку, а Джони будет играть на гитаре тему и читать стихи. Джони перечитала книгу Элиота, позвонила Мингусу и спросила: «Может, вы мне предложите лучше почитать из Библии?» Мингус холодно ответил, что он продумает этот вариант. Они не разговаривали несколько месяцев. Потом Мингус позвонил снова. Он написал шесть мелодий (он назвал их «Джони I—VI») и хотел, чтобы Джони написала к ним стихи и спела их. Джони начала работу, которая заняла год. Чарльз умер, так и не услыхав всех песен. Джони продолжала работать. Альбом вышел, она назвала его «Мингус».

На этот раз успех был полным. Критика признала новую Джони Митчелл. Последовали многочисленные интервью. В одном из них, которое Джони дала американскому журналу «Роллинг стоун», она говорила: «Это очень просто — стать королевой рок-н-ролла или еще какого-нибудь направления в музыке. И если ты на этом остановишься, если твоя цель — всего лишь «золотой», «платиновый» диск — тогда тебе конец. Ты скоро вылетишь, а это очень больно. Моя цель — постоянный интерес к музыке. Вот почему я так рада была работать с Чарльзом Мингусом. Это был шанс поучиться у великого артиста и у великого человека. Он знал, что болен, мы об этом никогда не говорили, но однажды он сказал мне: «Я умираю, девочка. Раньше мне казалось, что я знаю, как это делается, а теперь я не уверен». Вот это мужество. Каждый артист должен быть мужественным и идти своей дорогой. Об этом я и написала в стихах. Мои песни для меня как дети. Я выпускаю их в мир на позор или на славу. Некоторые могу петь только я, некоторые уже живут отдельно от меня, но они все — мои дети. А нормальный человек не может отказываться от своих детей».

Н. ТУМАНСИНА

«ЛИФТ» ИДЕТ ВВЕРХ

Один мой друг, вернувшись с XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Гаване, рассказывал: «Там была потрясающе интересная рок-группа из Дрездена. Они играли и пели настоящий рок, и, представляешь, по-немецки!» Удивление моего друга можно понять: большинство рок-групп — итальянских, испанских, французских, немецких, скандинавских и так далее — поют рок по-английски, и в этом нет ничего странного: предпочтение, отданное английскому языку, вызвано как соображениями внешними, даже чисто коммерческими (та же «АББА» утверждает, что, если бы они пели по-шведски, то и успех их ограничивался бы сугубо национальными рамками), так и свойствами, присущими року. Дело в том, что ритмическая структура английского языка наиболее соответствует ритмической структуре рок-музыки (не забудем, что рок возник в англоязычной стране, правда, причина его появления, как мы знаем, отнюдь не лингвистического характера). Но многие серьезные рок-музыканты во всем мире, которым прежде всего есть что сказать своим слушателям, стремятся сделать это на родном языке. И попытки эти успешны (вспомним поляка Чеслава Немена, группу из ГДР «Пудис» и многих других).

Но вернемся к ансамблю, о котором говорил мой друг. Называется он «Лифт», и, как сказал о нем его создатель Герхард Цахар, «в сумме «Лифт» имеет 175 лет, тонну веса и десять метров роста». Но, безусловно, характеристика «Лифта» этой фразой не исчерпывается: ведь не за «тонну веса» немецкая молодежь включила «Лифт» в список пяти ведущих ансамблей ГДР в 1979 году, и не за 175 «суммарных лет» они награждены Государственной премией.

Первоначальный состав «Лифта» выглядел так: Герхард Цахар — бас-гитара, вокал; Михаэль Хейбах — синтезатор, орган, рояль; Франк-Эндрик Молль — ударные; Генри Пахольский — вокал; Тиль Патцер — саксофон, флейта; Вольфганг Шеффлер — рояль, меллотрон, синтезатор. Но над своей последней, третьей по счету долгоиграющей пластинкой (на снимке вы видите конверт второй пластинки, она продавалась на проходившей недавно в Москве выставке-продаже пластинок ГДР) ансамбль работал уже в новом составе — нет Цахара и Пахольского, присоединился певец Вертер Лозе.

Что играет «Лифт»? Тиль Патцер поясняет: «Наши два ведущих композитора — Хейбах и Шеффлер — тяготеют к двум разным музыкальным направлениям: Хейбах — к року, Шеффлер — к джазу, но такая разница во вкусах приводит не к противоречиям, а к синтезу — мы играем джаз-рок». Примером этого синтеза может служить сюита «Че Гевара», которую «Лифт» подготовил к фестивалю в Гаване и с тех пор успешно исполняет на своих концертах. «Лифт» работает и в более сложных жанрах: они подготовили совместную программу с молодежным камерным оркестром, пытаясь создать симфоническое произведение. Но, конечно, «Лифт» не забывает и о песнях, тексты которых пишут поэты Курт Демлер и Ингеборг Бранонер. Нередко с ансамблем выступает известная певица Дина Штраат — специально для нее «Лифт» сделал несколько своих обработок народных немецких песен. В общем, «Лифт» в постоянном движении. Вольфганг Шеффлер говорит: «Топтание на месте не только скучно, но и безыдейно, мы доказываем преимущества артиста, живущего в социалистическом обществе, не словами, а творчеством. Потому что по-настоящему хорошая музыка скажет об этом куда лучше, чем любые слова».

Н. ВАНЕЕВА

БИ-БИ-СИ И НЕУДОБНЫЙ ЛИНТОН КУЭСИ ДЖОНСОН

Был такой случай: Би-би-си попросила известного ямайканского поэта и композитора Линтона Куэси Джонсона сделать документальный фильм о жизни его соотечественников в Великобритании. Неизвестно, на что рассчитывали руководители «Бритиш броудкастинг корпорейшн», но когда фильм был готов, показывать его не стали «из соображений демократии». Линтону Куэси Джонсону вежливо объяснили: «Надвигаются парламентские выборы, а фильм настолько анти-тори, что может быть расценен, как попытка повлиять на исход выборов». Предложили подождать: покажут потом. Линтон Куэси Джонсон и его «команда» все еще ждут — «реальной возможности пока не представляется, к тому же содержание программы уже несколько устарело...». Би-би-си согласна даже заплатить огромную неустойку...

«Не понимаю, — говорит Линтон Куэси Джонсон (в музыкальной прессе его для удобства предпочитают называть сокращенно ЛКД), — что они нашли такого «антиконсервативного» в моем фильме. Ведь в нем просто рассказана правда о положении моих соотечественников здесь. Правда о том периоде, когда страной правили лейбористы. А самые серьезные налеты на организации, представляющие интересы иммигрантов, предпринимались именно во время их правления. В конце шестидесятых — начале семидесятых годов эти организации постоянно подвергались нападениям со стороны полиции. Тогда же был запрещен и сбор средств в помощь общинам иммигрантов».

Линтон Куэси Джонсон не устает говорить о положении выходцев из Азии, Африки и Вест-Индии в Англии. Его основная идея: «Нам не от кого ждать помощи. Помочь себе мы можем только сами». Но политическая активность Линтона Куэси Джонсона для властей тем более опасна, что ЛКД — человек известный, популярный, он один из ведущих ныне создателей и исполнителей музыки в стиле «рэггей» (напомним, что музыка эта была завезена в Великобританию иммигрантами с Ямайки). Джонсону 27 лет, он окончил Лондонский университет, с отличием защитив диплом по социологии, выпустил две книги стихов «Живые и мертвые» и «Страх, бит и кровь» и к музыке обратился потому, что «популярность «рэггей» позволяет сделать эту музыку рупором идей». Он выпустил два альбома, и второй — «Силы победы» — вот уже несколько месяцев пребывает в десятке самых популярных в Великобритании. Музыкальный критик Ангус Маккиннон пишет в еженедельнике «Нью мюзикл экспресс»: «Это практически первые пластинки, тематика которых сосредоточена исключительно на проблемах черных в Англии, причем их политическое звучание для некоторых критиков показалось гораздо более сильным, чем музыкальное. Но, чтобы расставить точки над «и», я хочу сказать, что обе его пластинки в числе лучших из всего, что в последнее время создано в стиле «рэггей».

Би-би-си фильм Джонсона запрещает, а фирмы грамзаписи его пластинки выпускают? Сам Джонсон объясняет это так: «Фирмы просто хватают все, что выдают музыканты, особенно черные: сейчас на них спрос, и публика готова тратить деньги именно на «рэггей». Правда, моей пластинке не дали надлежащей рекламы. Вот видите, я смотрю на все трезво и понимаю, что искусство в капиталистическом обществе существует только как предмет потребления. Поэтому оно подчиняется всем законам капиталистического производства. Мой идеал: создать свою маленькую фирму, самому записывать пластинки, самому их продавать. Но все упирается в деньги — где их взять? К независимости от больших фирм стремятся, в общем, все музыканты. Но тут возникает своя опасность: не все артисты подготовлены к такой ответственности. Ведь в этом случае они становятся менеджерами, а значит, предпринимателями, и их очень быстро охватывает желание урвать кусок побольше».

Газеты называют Линтона Куэси Джонсона «радикальным черным активистом» и пугают обывателя воспоминаниями о «черных пантерах». Линтон Куэси Джонсон пишет в ответ песню «К черту их всех!» — о том, что террористы сильнее самых сильных врагов вредят антирасистскому движению. Газеты публикуют сообщения о бравых налетах бравых «бобби» на клубы иммигрантов — именно там скрываются преступники! ЛКД пишет песню «Письмо Сонни» — о парне по имени Сонни, которого посадили в Брикстонскую тюрьму по сфабрикованному обвинению, и он пишет письмо матери на Ямайку: «Не жди от меня денег в ближайшее время». Лидеры фашистского «национального фронта» (представители которого тоже, кстати, баллотировались на парламентских выборах) твердят о «цветных паразитах», высасывающих кровь из страны. ЛКД пишет «Поэму о реальности» — «помочь себе мы можем только сами, и наше оружие — это достоинство».

Пластинка Линтона Куэси Джонсона вот уже несколько месяцев в списке бестселлеров, из чего следует, что ЛКД определенно опасный человек.

И. ПОРУДОМИНСКАЯ

ФИРМА «МЕЛОДИЯ» В 1980 ГОДУ

Как обычно, в начале года мы сообщаем нашим читателям о новых пластинках, которые Всесоюзная фирма грамзаписи «Мелодия» будет выпускать по лицензиям, закупленным у зарубежных фирм.

Но сначала немного истории: с 1974 года «Мелодия» приобрела 150 лицензионных дисков, из них более 50 с записями популярной эстрадной музыки. В этом году выйдет около 30 таких пластинок.

Перечислим наиболее значительные приобретения фирмы «Мелодия» этого года: Девять симфоний Бетховена в исполнении Лондонского симфонического оркестра «Филармония» (дирижер Отто Клемперер), Восемь симфоний Малера (дирижер Леонард Бернстайн), пластинка «Горовиц играет Рахманинова», произведения Моцарта и Баха в исполнении американского пианиста Глена Гулда и пластинка великого виолончелиста Пабло Казальса (он играет Шумана). Из джазовых записей приобретены: двойной альбом Эллы Фитцджеральд, пластинки гитариста Монтгомери и пианиста Каунта Бейси. В жанре популярной эстрадной музыки «Мелодия» порадует покупателей дисками известных зарубежных певцов: Джо Дассена («Лучшие песни» и «Люксембургский сад»), Демиса Руссоса («Большой успех» и «От воспоминания к воспоминанию»), Адриано Челентано и Аманды Лир.

В октябре прошлого, 1979 года вышел первый номер каталога-бюллетеня, издаваемого фирмой «Мелодия».

Кроме аннотированного каталога пластинок, в нем содержится самая разнообразная информация о новостях в мире грамзаписи, работе домов грампластинок, молодежных клубов и дискотек, материалы о композиторах, творческих коллективах, певцах, актерах и режиссерах, которые сотрудничают с «Мелодией».

Индекс 70781
Цена 25 коп.